

АЗБУКА ВЕРЫ

**Книга об отцовстве - священник
Андрей Лоргус**

Книга об отцовстве - священник Андрей Лоргус

Андрей Лоргус – практикующий психолог, автор книг и публикаций, ректор Института христианской психологии – приглашает нас к разговору о мужчинах, о мужском призвании быть отцом, о трудностях и радостях отцовства, об отцовской любви и о любви к отцу. Он считает: быть мужчиной – значит проходить через множество трудностей, которые развивают личность, и отцовство – одна из них. Это испытание дает огромные возможности для роста. Являясь православным священником, автор адресует свою книгу как мужчинам, так и женщинам, чтобы помочь им примириться с собственным детством, лучше понимать своих мужей и жен, научиться уважать друг друга и найти прочную основу для воспитания сыновей.

- [Предисловие](#)
- [I. Семья и род](#)
- [Патриархальность](#)
- [Категории рода](#)
- [Семейные роли](#)
- [II. Незаменимый родитель](#)
- [В поисках утраченных связей](#)
- [Бунт и примирение](#)
- [Что такое мужественность?](#)
- [Может ли отчим заменить отца?](#)
- [III. Любовь к женщине, любовь к детям](#)
- [Власть и обладание](#)
- [Нерожденные дети](#)
- [Секс и ответственность](#)
- [Откуда берутся родительские чувства?](#)
- [Притча об отцовской любви](#)
- [Неидеальный отец](#)
- [IV. Мужское воспитание](#)
- [Все лучшее – детям?](#)
- [Чего не может дать мать](#)
- [Куда подевались ответственные мужчины?](#)
- [Власть отца](#)
- [Отцы и дочери](#)
- [Мужское и женское](#)
- [Введение в большой мир](#)
- [Патриарх рода](#)
- [V. Вымирающий вид](#)
- [Отцы и отечество](#)
- [Парадоксы советской идеологии](#)
- [Мужчины нашего времени](#)
- [Заключение](#)
- [Об авторе](#)
- [Об издательстве "Никея"](#)

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви

Предисловие

И тогда, наконец, всё полегчало, прорвался свет, и отец уверенно-радостно раскрыл объятия.

И в сборном ощущении шерстяной куртки, больших ладоней, нежных уколов подстриженных усов,росло блаженно-счастливое, живое, не перестающее расти, огромное, как рай, тепло, в котором его ледяное сердце растаяло и растворилось.

В. Набоков. «Дар»

Эта книжка – для мужчин, которые учатся быть отцами; для женщин, которые учатся быть женами; для всех, кто благодарен своим отцам или пытается быть им благодарным.

Эта книжка также для тех, кто не знает тепла и надежности отцовских рук, вздрагивает при слове «отец», старается не вспоминать его имя или считает, что отца у него нет. Этим людям имеет смысл читать книжку только в одном случае – если их тяготит сложившаяся ситуация. Тем же, кого все устраивает, книжка эта ничего не даст.

Мне бы хотелось, чтобы ее прочитали и те женщины, которые пытаются в одиночку воспитывать сыновей. Думаю, что им эта книга причинит очень много боли. И все-таки именно этим женщинам хочется сказать: «Попробуйте отыскать в своих сердцах любовь к вашим отцам. Найдете уважение к отцам – найдете любовь к мужьям. И тогда ваши дети будут счастливы».

Эта книжка не содержит рецептов и инструкций по «ответственному родительству». Это не учебник и не сборник задач. Скорее я бы мог охарактеризовать ее как приглашение к разговору – о мужчинах, о мужском призвании быть отцом, о трудностях и радостях отцовства, об отцовской любви и о любви к отцу.

Хочу выразить благодарность своим друзьям, позволившим опубликовать свои истории. Разумеется, их имена изменены.

Эта книга не могла бы состояться без многодетного отца – Владимира Лучанинова, за что ему низкий поклон!

Благодарю и своих коллег, участвовавших на разных этапах в подготовке рукописи: Ольгу Красникову, Виктора Семенова, Елену Красникову, а также учителей Ольгу Карабанову, Ольгу Троицкую, Анну Варгу.

Моя благодарность – авторам тех книг, которые меня вдохновили. Я имею в виду в первую очередь книги «От отца к сыну» Франко Нембрини, «Отцовство» Михаила Эпштейна, «Отец» Луиджи Зойя.

I. Семья и род

Патриархальность

Как религиозный и культурный феномен патриархальность ушла в историю. Но история остается с нами – в языке, в сознании, в предании. Патриархальный уклад жизни оставил множество стереотипов, немало пословиц. Этот уклад пробивается неосознаваемыми ростками в философских и публицистических текстах. Но в целом в странах Европы и Америки, а также в России патриархальность перестала быть тканью жизни. Кто-то из мужчин ещё сожалеет о

ней, но едва ли кто-нибудь может её «воссоздать».

Время не пощадило патриархальность. Но что-то в природе семьи, в самой природе человека не согласно с велением времени. Что-то нас все время возвращает к вопросу о фундаментальных законах семьи и супружества. И это «что-то» чаще всего – опыт. Опыт патриархальности, опыт духовной жизни, опыт психологии и психотерапии, опыт человеческого здоровья и целостности.

Сегодня в центре философской и богословской антропологии, науки о человеке, оказывается не только личность, но и семья. И в психологии также семья воспринимается как некий фундамент, без которого человека нет. Есть организм, есть особь, но нет человека, нет личности, нет гражданина. Семья – это не только колыбель человека, она определяет и его внутренний строй, его «личностную модель».

В семье рождается личность, в семье складывается её структура, её ролевой профиль. Семейная роль неотделима от конкретного человека. Каждый житель планеты – сын или дочь. А если есть сын и дочь, значит, есть отец и мать. Это всеобщая психо-антропологическая характеристика человечества. Сын или дочь могут не стать, в свою очередь, отцом или матерью, но потенциально они ими являются, в глубине личности они несут в себе зачатки этих ролей.

Однажды ко мне обратилась женщина (назовем ее Татьяна). «Как мне воспитать сына настоящим мужчиной? Как сделать так, чтобы он вырос мужественным, стойким, опорой для своей семьи, добытчиком и хорошим отцом?» – спрашивала Татьяна. Этот вопрос не звучит неожиданно или неадекватно. Многие матери действительно переживают за будущее своих сыновей, потому что интуитивно догадываются – знаний и опыта в воспитании мальчиков у них недостаточно. Любовь есть, а знаний нет. При этом женщины готовы на многие лишения и трудности ради поставленной цели. Они готовы учиться, участвовать в психологических тренингах, ездить к старцам, чтобы воспитать настоящих мужчин. Их самоотверженность может быть приравнена к подвигу. Но на какие бы жертвы ни шла женщина, в одиночку воспитать настоящего, гармоничного мужчину ей вряд ли удастся. Женщина не может воспитать настоящего мужчину просто потому, что она не мужчина. Да, звучит неутешительно. Тем не менее, как бы ни старалась такая мать – сын получит от неё только женственное мужество (и это не каламбур). Чтобы получить образ мужского поведения, мальчику нужен мужчина. Отец незаменим. Это призвание вечно. Это природа человеческого рода. Это две фундаментальные роли, основы бытия, призвание свыше.

Категории рода

Основные родовые категории – это слова, которые ребенок разучивает, как правило, самыми первыми: «мама», «папа», «баба», «деда»^[1]. Это самые первые и самые глубинные понятия, с которых личность начинает свое развитие. Нам кажется, что они не нуждаются в определении или прояснении. Но это не так. Сложные, запутанные семейно-родовые отношения приходят нередко в такие критические состояния, что становится непонятным, кто есть кто. Семейные кризисы, нормативные и ненормативные, ставят под сомнение очевидность основных категорий рода. Например, некоторые люди любят повторять «народную мудрость»: «Не тот отец, кто родил, но тот, кто воспитал». А что на это скажут родные отцы? А дети? Все ли согласятся с этим тезисом? Практика показывает, что большинство отцов (родных) и их детей с этим не согласны, хотя не спорят с отчимами и матерями.

А мать – это всегда родная мать? А если она отказалась от ребенка? А почему некоторые «брошенные» дети так упорно ищут своих родных матерей? Или мать – только та, что зачала,

выносила и родила? Если так, то выбор партнера, от которого она зачала, то есть выбор отца ребенка – непереносимое содержание понятия «мать»! А согласие на зачатие, осознанное или нет, осуществленное в акте любви (соитии), – входит в понятие «отец». Стало быть, отец – это тот мужчина, который дал женщине свое семя для зачатия ею его ребенка.

Родовые категории – это общечеловеческие семейные роли, не зависящие от исторических эпох, религий, идеологий, наций, континентов.

Конечно, содержание этих ролей менялось, по-разному они были освящены религиями и нравами, но их семейная суть не менялась.

Многие семейные психологи принимают на веру современные социо-антропологические теории развития брачных отношений. В этих теориях принято считать, что в раннем (с точки зрения истории) обществе не было ролей вообще. Не было отцов, не было семьи, как таковой. Однако нам эти выводы представляются спорными. Если в древнейших погребениях археологи находят привилегированные захоронения детей, значит, это могли быть дочь или сын вождя, значит, дети не были общими, «ничьими». Впрочем, столь древние обычаи едва ли могут оказать влияние на современные брачные отношения.

Рождаясь, человек становится членом рода, причем свое место в нем получает без выбора и без вариантов. Каждый из нас имеет только одно единственно возможное положение в семейной системе своих родных родителей. Другого положения мы занять не можем. И никто этого не в силах изменить. Сын, внук, правнук или дочь, внучка, правнучка – все это уже навсегда закреплено в системе с того самого момента, когда родители зачали свое дитя.

Стало быть, семейно-родовые роли – это категории надличностного порядка. Они определяют формирование личности и задают для этого определенные условия, мотивации, стремления, целеполагание, а также определяют в некоторой степени место в социуме. Например, сын царя, родившись, уже наследник престола, а незаконно рожденная дочь имеет мало возможностей в патриархальном обществе. В наше время семейнородовые роли выражены слабее, и их влияние на социум снижено, но разве можно сказать, что они ничего не значат?

Семейные роли

Структурные роли

Психологам часто приходится говорить о «семейных ролях». Это устоявшийся термин. Слово роль в русском языке чаще ассоциируется с актерской игрой, несет отпечаток чего-то поверхностного, игрового, ненастоящего, не подлинного. А потому и «семейная роль» понимается как искусственный сценарий, который с необходимостью или по выбору применяется в семейных отношениях. Но это совсем не так! Роль – это нечто глубинное. В семейной психологии понятие «семейная роль» – это скорее место, статус и положение в семье, которое появляется у человека с рождением и никогда не исчезает: сын – живой или мертвый – для родителей всегда остается сыном; отец – живой или мертвый – всегда отец для своих детей. Свою семейную роль нельзя выбрать и нельзя отменить. Все роли, кроме ролей мужа и жены, а также отца и матери (своим возможным детям, пока они не зачаты), рождаются вместе с нами. Как заметил остроумный психолог Карл Витакер^[2], «семья сама раздает роли своим членам».

При патриархальном укладе эта ролевая сторона семейной жизни доминирует над личностной, индивидуальной. В современном обществе Евразии и Америки все иначе – роли стали почти невидимы в силу культурных стереотипов и идеологических тенденций. С распадом

патриархальности исчезает и ролевая основа супружества. Но до конца исчезнуть не может, потому что такова природа семьи. Человек всегда чей-то сын или дочь, другого порядка появления на свет человека пока нет^[3]. А стало быть, прадед, дед, отец и сын – это извечные, фундаментальные роли мужчины. И если мужчина не пытается отказаться от своего мужества (о чем мы в этой книге говорить не будем), он непременно эти роли несет в своей душе, осваивает их, переживает и радуется им.

Фундаментальные роли определяют жизненный путь почти каждого мужчины. Они задают смыслы и цели развития, задают критерии самооценки. Это роли любви и ненависти, радости и чувства вины, счастья и горя. Сияющей вершиной этого ряда ролей является роль патриарха. Именно патриарх рода, глава рода – предельная роль мужчины в семье, в истории. Ветхозаветные праотцы были патриархами своих родов, своих племен и потому именуются судьями, правителями, лидерами, авторитетами, *отцами*. Именно суть отцовства как одной из фундаментальных ролей общечеловеческого бытия интересует нас сейчас более всего.

Психологические роли

Следует различать структурные, нормативные роли и их реализацию. Каждая семья уникальна. Уникальны личности, ее составляющие. Уникальны условия ее существования. А потому и семейные роли реализуются по-разному. Подчас их реализация сильно отличается от нормативной. Психологическая роль – это реальная роль члена семьи, в которой он оказался в силу множества причин.

Например, отец-инвалид может оказаться в роли ребенка, мать – в роли отца (в отсутствии родного отца), бабушка – в роли матери, и т. п. Если искажается семейная структура, искажаются и роли. Если, например, погибает отец семейства, его роль может взять на себя старший ребенок. Это не его роль, но и не его выбор. Это функциональная роль, приобретенная вследствие искажения семейной структуры.

Психологические роли могут носить патологический характер: формально в семье каждый как будто занимает свое место, но отношения искажены. Например, жена берет на себя роль мужа, дочь – роль жены. Эти так называемые дисфункциональные роли возникают как результат напряжения в семье. Это роли, взятые на себя членами семьи ради выживания. Здесь я имею в виду выживание не в прямом, физическом, а в эмоциональном смысле. Подобные семейные роли искажают образ семьи, но, как говорят психологи, труднее найти здоровую (нормативную) семью, чем искаженную. Тем не менее, в нашей книге мы говорим о должном, а не об искажениях.

Сын, внук, отец, дед

Если мы взглянем на систему мужских ролей, с точки зрения иерархии поколений, то увидим вертикаль. На ее верхней точке будет находиться патриарх, ниже за ним – праотец, прадед, дед, отец, сын, внук, правнук и так далее. Традиционно структуру рода, а также общества и государства видели в мужской иерархии поколений. Это и есть патриархальность, то есть отцовство – рода, семьи, общества. Это отцовство Бога, царя, родного отца и т. д.

Какова роль отца? Библия называет его главой семьи и главой рода, даже патриархом, то есть отцом отцов. Психологически отец – это муж матери, тот, кто родил и воспитывает, кто принимает и передает нравственные и религиозные правила в семье, кто является духовным лидером, направляющим к цели и успеху, контролирующим порядки и правила.

Психологическая роль отца не дается отроду, как семейно-родовая, она принимается и

формируется и может оказаться искаженной. Отцовство выплавляется в горниле любви и власти, чувств и ответственности. Роль отца генетически связана с ролью сына, то есть связана со всеми отношениями в семье, со зрелостью личности. Едва ли инфантильный мужчина сможет стать зрелым отцом. Однако отцовство может стать двигателем мужественности, мощной мотивацией развития личности.

С утратой обществом патриархальных свойств ощутить в себе отца стало труднее. Да, культура хранит смыслы и знаки, и христианская культура – в первую очередь. Хранит это в себе и ислам, и иудаизм. Все авраамические религии – «отцовские», потому что в них есть поклонение праотцу Аврааму. В полноте и идеале тема отцовства раскрывается прежде всего в истории праотцев Библии: Адама, Ноя, Авраама, Иакова, Исаака, Моисея, Иисуса Навина, Давида. Ветхий Завет показывает нам модель духовного, социокультурного, семейно-родового отцовства.

Весь образ жизни античного и средневекового общества был патриархальным. Отец и мужчина в те времена – почти аналогичные статусы. Не просто мужчина, но именно отец семейства признавался главой семьи. Отцовство было частью социального статуса и частью личностной структуры. Но главное – отцовство было определено в семейной иерархии безусловно и пожизненно.

Патриархальность обеспечивала стабильные семейно-ролевые отношения. Мужчина, вступавший в брак, обретал устойчивое психологическое место в семье и мог развивать свое личностное отцовство. Это вовсе не гарантировало успеха в роли отца, но все-таки право на отцовство было укоренено в культуре, его не требовалось завоевывать, как сейчас. Мужчина вместе с отцовством приобретал уважение и признание как в семье, так и в обществе.

Дореволюционная культура в России была ещё патриархальной, но уже начала распадаться. И если эта проблема стояла уже в начале XX века, то как же остро она стоит сейчас, сто лет спустя, после того как мы прошли не только через разрыв церковной традиции, но и фактически через разрыв института семьи. Культура отцовства в религиозном и духовном смысле повреждена и стремительно распадается. Это факт. Процесс этот начался очень давно, в значительной степени он связан с утратой патриархальности.

II. Незаменимый родитель

В поисках утраченных связей

Как пастырю и как психологу мне приходится сталкиваться с серьезными проблемами и препятствиями в восполнении утраченных или вовсе не существовавших отношений детей с отцами.

Вот рассказ одной молодой женщины: «Отец появился в моей жизни, когда я была уже взрослой. Он начал искать со мной встреч, звонил мне, но для меня это было в тягость... Я ненавидела себя за то, что очень похожа на него. Ненависть к себе прошла после того, как мне в ходе психотерапии удалось принять своего отца, понять, что он в самом деле родной человек, что он – часть меня. Эта недостающая часть моей личности, которую я столько лет отвергала, как будто встала на место. Я перестала выживать и начала полноценно жить».

Опыт, открывающийся в этой сложной личностной работе, показывает важность отцовской темы. К сожалению, нередко обращение к ней происходит уже после того, как отец умер. Но и в этом случае восстановление утраченной связи не менее значимо для личности человека.

Я обычно говорю так: если вы узнаете, что ваш отец уже умер, найдите того, кто был с ним в последние годы, дни, попросите, пусть вам расскажут, каким он был, что говорил, как говорил.

Из рассказа Олеси: «У меня не было папы. Никогда. Передать ощущения ребенка, который рос без отца, наверное, невозможно. Поймет только тот, кто сам прошел через это. Как описать ту пустоту, которая живет внутри тебя? Ребенок не может посмотреть на ситуацию со стороны, поэтому долго не понимает, что с ним "не так" и даже не ощущает этой пустоты. Только годам к шестнадцати я начала замечать, что во мне живет какое-то ужасное одиночество, страх мира, недоверие, неуверенность, ощущение собственной неадекватности. Я ненавидела своего отца, когда слышала от соседки по общежитию: „Мой папа повесил эти полочки“. Мне нечего было ей сказать в ответ, и я чувствовала себя ненормальной, неполноценной, неправильной.

Я закончила престижный российский вуз, затем американский университет. Свободно владела двумя иностранными языками, делала блестящую карьеру. Я мечтала когда-нибудь встретить своего отца, показать ему, что он потерял, высказать ему свое презрение и больше никогда в жизни с ним не общаться. А потом выяснилось, что все эти годы я мечтала отомстить человеку, которого уже давно нет в живых. Он умер, когда мне было 17 лет. Узнав об этом, я долго плакала. Ведь за моей жадной мести скрывалась надежда услышать о сожалении, о раскаянии, о том, что он хотел всегда меня увидеть, услышать, что он все-таки думал обо мне. Но этого не произошло, и уже никогда не произойдет. У меня действительно никогда не было отца. Я сирота, и это придется признать».

В рассказе этой женщины слышна пронзительная боль. Она тоскует по упущенной любви, упущенному теплу. Восстановление отношений с отцом – труднейшая духовная и психотерапевтическая задача. Но она тем более важна, чем более мы осознаем отцовскую роль и её значимость в становлении личности и в семейных отношениях.

Когда я предлагаю людям, выросшим без отца, попытаться его разыскать, что-то о нем узнать, меня часто спрашивают: «А вдруг мне скажут, что он никогда обо мне не говорил, не интересовался мной?» Я обычно отвечаю так: «Что бы вы ни узнали о своем отце, для вас это возможность присоединиться к своему корню, восстановить связь с истоком вашей личности, вашей души и тела. Ведь это ваш родитель».

Вот рассказ Александра, который нашел отца через несколько десятков лет после полного разрыва отношений: «Сегодня я ощущаю, что моя связь с отцовской линией, с его семьей – с дедом и бабушкой – отчасти восстановилась. Я думаю о них без вражды, хотя и без особенной любви – скорее, как о приятных мне людях, как об общности, частью которой являюсь. Это похоже на то, как если бы я восстановился от недуга – хромоты, однорукости, одноглазости. Я не в восторге ни от отцовского характера, ни от его жизненного пути. Объективно говоря, мама во многом была права в оценке отца, его поступки не вызывают у меня восхищения. И все же я не стыжусь его, как это было раньше. Это мой отец, а значит, отчасти и я сам. Я больше не чувствую себя виноватым в том, что похож на него».

Как бы ни сложились ваши отношения с отцом после вашего рождения, он – отец, он дал вам жизнь, вы его семья, вы его род. За ним стоят бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки. Некоторые клиентки мне признаются: «С бабушкой (матерью отца) я еще могу наладить отношения, но вот с отцом никак». Я обычно советую в таких случаях: «Тогда познакомьтесь сначала с бабушкой, если она жива. Или съездите к ней на могилу, если это возможно».

К сожалению, отыскать информацию о родственниках удается далеко не всегда. Но у нас, православных, есть чудесная возможность воссоединения с ними в церковном поминовении. Если вы знаете, что ваш отец и его родня были крещеными, закажите панихиду по всему его

роду – и вы духовно присоединитесь к своей семье.

«А если он меня не хотел?» – спрашивают многие. Я говорю: «А мать вашу хотел?» Ребенку очень трудно рассуждать о любовном желании родителей, которые его зачали. Но взрослому это под силу. И тогда появляется возможность увидеть в своем рождении желание родителей собственного бытия! Увидеть в отце себя, увидеть в себе продолжение его, а не только матери. Да, тяжело. Порой почти невыносимо. Но обретение отцовства – великая вещь.

Если человек не может наладить отношения со своим отцом, ему очень трудно наладить отношения с Богом, принять его отцовство. Связь между фигурой отца и отношением к Богу известна очень давно. И Фрейд, и у Юнг писали о том, что сложные отношения с отцом часто вызывают определенные особенности в восприятии фигуры Бога, особенные религиозные неврозы. Это не жесткая закономерность, тем не менее, она существует. Мне часто приходится слышать такие признания: «Когда я стою перед распятием, мне легко молиться. Бог, который пострадал за меня, мне близок и понятен. Но тот, кто послал Его в мир – я не понимаю, кто это! Что значит Бог Отец?» Такие вопросы отчетливо свидетельствуют о том, что у человека есть проблема с восприятием собственного отца.

Я думаю, один из ключиков к пониманию Бога Отца – это история возникновения иерусалимского Храма. Бог не разрешил Давиду строить храм, и Давид смиряется. Он надеется, что его сын Соломон сделает это. Он собирает материалы – золото, кедр, медь, серебро – и просит своих слуг помочь Соломону, когда тот будет строить Храм. Давид так любит Бога, что не может не мечтать о Храме. Для него невыносима мысль, что сам он живет в доме из кедра, а Бог – в простой скинии. Вот эта очень трогательная, очень искренняя, очень интимная связь человека с Богом становится понятна, если у человека есть личные отношения с собственным отцом.

Что значит утверждение «Я – сын своего отца»? Это значит, что я не единичка, носящаяся в хаосе. У меня есть корни в роду и в родословной всего человечества. Я укоренен в человечестве. Я укоренен на земле, в воздухе, в природе – во всем. Я на земле не случаен, я родословен. На мой взгляд, мужчине это дает очень крепкое ощущение почвы, твердой опоры, устойчивости. За его спиной – целая череда поколений мужчин, он может на них опираться, черпать в них силу и поддержку.

Для мужчины очень важно его послушание Богу, потому что становление личности мужчины – это путь откровения о своей сути. Прежде всего, это ощущение своей личностности. Если я сын Божий, чадо Божие, значит, я личность. Он мне дает право быть личностью, быть уникальным «Я». Это Он воззвал меня к бытию, сказав: «Создадим человека по образу Нашему».

Бог точно мне указал горизонт моей ответственности, я носитель его ценностей, воспитатель этих ценностей в своих детях. Если мужчина чувствует, что за его спиной стоит Бог, которого он слушается, у него возникает твердое ощущение своей истинности и силы.

Когда Моисей пришел в Египет и обратился к народу, его спросили: «Почему мы должны тебя слушать?» – «Так повелел Господь Бог», – ответил Моисей и показал те чудеса, которые ему явил Господь. И тогда люди убедились в том, что он действительно послан Богом, и послушались его.

Собственно говоря, это модель всех отношений мужчины с миром. Когда он ощущает, что за его словами, поступками, намерениями, целями стоит Господь, люди начинают его слушаться. Они принимают его, и не просто потому, что его прислал Господь, а потому, что он несет в себе иную правду.

Бунт и примирение

В норме, преодолев подростковый возраст и входя в зрелую жизнь, ребенок воспринимает своих родителей реалистически, то есть видит их слабые и сильные стороны и относится к ним как к обычным живым людям. Но многие еще в детстве воспринимают от матерей критический взгляд на своего отца. Так бывает, если отношения между супругами почему-либо нарушены и возникает нездоровая конкуренция. В этой ситуации для маленького ребенка естественнее выбрать сторону матери, и в дальнейшем ему бывает сложно отказаться от этого, не своего, критического отношения к отцу. Иногда человек до седых волос продолжает смотреть на отца глазами «любимой мамочки». Например, обиженная мама в сердцах говорит ребенку: «Папа нас не любит!». Дети запоминают такие слова и потом всю жизнь несут в сердце боль, недоверие и одиночество, не имея возможности обратиться за поддержкой к отцу. Это чудовищное преступление против детей. Это психологическое насилие. Но как часто такое происходит в семьях!

Взрослому человеку важно пересмотреть свои детские ценности и разобраться, что основано на его собственном, личном опыте, а что – на конфликте родителей. В первые годы жизни ребенок физиологически, психологически связан с матерью. Но если развитие личности застревает на этой стадии (что бывает довольно часто), человек вырастает инфантильным, зависимым от матери, и отношение к отцу у него будет соответствующее. Такому человеку очень трудно принять отца, но объективно ему именно этого остро не хватает.

В начале XX века Фрейд описал «эдипов комплекс». Царь Эдип убил своего отца, не зная, что это его отец, и стал любовником своей матери. Такова древняя языческая легенда. В ней отразились многие конфликтные психологические и духовные стороны понимания человеком самого себя в добиблейской, дохристианской древности. Фрейд увидел в этой легенде метафору того, что происходит в детстве с мальчиком: отец опасается, что его сын конкурирует с ним в любви к матери; мальчик испытывает неосознанное чувство враждебности к отцу, потому что отец отнимает у него любовь матери; возникает враждебность между сыном и отцом по принципу эдипова противостояния. И избавляется человек от этого, только когда он приобретает собственную сексуальность по отношению к другой женщине, а не к матери.

По этому поводу было написано много трудов, подтверждающих и опровергающих точку зрения Фрейда, об «эдиповом комплексе» были сняты фильмы. Самый известный – «Легенда об Эдипе» Романа Полански. Фрейд полагал, что это врожденный комплекс, что победа над отцом – необходимый этап развития детской души. Но оказалось, что это не так. Некоторые современные психоаналитики показали^[4], что комплекс Эдипа развивается в основном, когда отец и мать соперничают между собой. То есть это не что иное, как проекция конфликта родителей на душу ребенка. Так что истоком эдипова комплекса можно считать не врожденный конфликт развития детской сексуальности, как думал Фрейд, а семейный конфликт, в который ребенок поневоле оказывается втянут. Это вовсе не необходимый этап развития личности, а настоящая трагедия.

Конфликт с отцом совсем не обязателен. Но если он возникает, человеку очень трудно понять смысл пятой заповеди Моисеевой: «Чти отца своего и мать свою...» Чтобы приблизиться к исполнению этой заповеди, необходимо примириться с отцом. И первый исцеляющий шаг на этом пути – отказ от слияния с матерью. На своего отца, как и на самого себя, надо учиться смотреть своими собственными, взрослыми глазами, а не глазами матери. Речь идет о взрослом человеке, потому что для ребенка такой взрослый, рассудительный взгляд еще недоступен.

И как священник, и как психолог я знаю, что для очень многих мужчин это огромная проблема

- примириться с отцом, соединиться с отцом, взять от отца то, что он может дать. Но в тех случаях, когда в результате психотерапевтической работы, в результате пастырской работы мужчина поворачивается к отцу, находит его, встречается, примиряется, просит прощения, молится о нем, отправляется к нему на могилу – тогда в личности происходят такие удивительные глубинные события, которые воспринимаются как чудо. На самом деле это не чудо, это укорененность в отце, живущая в каждом из нас.

Ко мне на консультацию пришла женщина. Ее сын страдал от наркозависимости. Мать несколько раз «укладывала» его в клинику и уже почти потеряла надежду. В ходе нашего разговора выяснилось, что отец юноши никогда в достаточной мере не проявлял отцовских чувств и не принимал активного участия в воспитании сына. Тогда я поинтересовался, каковы были отношения этой женщины с собственным отцом. Там все оказалось не лучше: отец «ушел» из семьи, когда она была ещё маленькая, пил, отношения с ним практически были прерваны. На протяжении нескольких месяцев мы обсуждали на консультациях ее отношения с бывшим мужем и отцом, искали возможность как-то изменить эти отношения. Спустя год ситуация начала меняться. Выйдя из клиники, юноша стал жить со своим отцом, и матери стало намного легче. Женщина смогла принять малую помощь от отца (пока только материальную) и перестала считать его бесполезным и холодным. Но главное, в ней впервые за долгие годы появилось ощущение, что она справится, что она выживет. Она вышла из депрессии. На последней встрече мы говорили об удивительном чувстве, пережитом этой женщиной – чувстве присутствия ее собственного отца, чувстве внутренней опоры.

Бывают случаи, когда примирение с отцом невозможно – ни физически, ни психологически. Например, когда отец или ребенок сознательно отказываются это сделать. Что же тогда? Мужчина остается ущербным? В этом смысле – да. Отвергая родителя, мы отвергаем часть себя. Это все равно как получить денежное наследство, взять из него половину и сказать: «А второй половиной я пользоваться не буду». Конечно, можно не пользоваться, но, имея половину капитала, ты никогда не приобретешь всей прибыли полностью.

Что такое мужественность?

Свою мужественность мужчина может получить только от отца. Женская и мужская мужественность – разные, они не смешиваются. Поэтому для того чтобы стать мужественным мужчиной, необходимо наладить отношения с отцом. Каким бы он ни был – живым или мертвым, злым или добрым. Другого пути нет. Взять мужественность от другого мужчины мальчик может только условно – через культуру, через обучение, через ученичество. Но это другое, не основанное на родстве, ученичество. Оно дается намного труднее, проходя через недоверие и сомнение. Свою, подлинную, психологическую, родовую мужественность можно взять только от своего отца.

Как мне кажется, мужественность – это, во-первых, ориентация на развитие, на успех, на достижения цели, а не на самолюбование или удовольствие. Во-вторых, это ориентация на смысл. Мужчина движется к смыслу иногда вопреки комфорту и даже вопреки пользе для здоровья. И требует того же от ребенка. Мать, естественно, протестует: «Ты совсем не думаешь о здоровье детей! Они еще не оправились после болезни, а ты их уже тащишь в поход!» Такова функция матери: заботиться о здоровье и комфорте ребенка, пусть вопреки смыслу, пусть вопреки ценностям. Для нее важнее, чтобы дети были целы и благополучны. Поэтому мужчина, воспитанный женщиной, ориентирован на настоящее, а не на будущее. Он, в первую очередь, думает о последствиях, которые его ожидают в случае неудачи, а не о цели, которую может достичь. Он предпочитает оставаться в безопасности, а не рисковать, затеяв нечто новое, даже если затея сулит блестящие перспективы. Если человек имеет обыкновение не доводить начатое до конца и отступать перед рискованными задачами, это чаще всего говорит

о недостатке отцовского воспитания.

В-третьих, отец воспитывает любознательность. Как устроен автомобильный двигатель и космический корабль? Как управляют танком?

Это не женские вопросы. Женщины скорее будут выступать против развития космонавтики, против разработки новых видов вооружения, потому что это слишком опасные области человеческой деятельности. А мужчин интересуют техника, прогресс, новые открытия, новые изобретения. Почему вода на Титане, спутнике Сатурна, соленая? Никакого отношения к нашей земной жизни это не имеет и вряд ли будет иметь. Но мужчине это интересно!

При истинно мужском взгляде на мир человек чувствует себя не разрушителем, а вершителем. Солнце, звезды, океаны, острова – все для него. Иди, разведывай! Строй мосты, надувай паруса, создавай глобальные сети, ищи истину! Желание отыскать истину, дойти до сути – вот что должен воспитывать в детях отец. А воспитывает ли? Увы, далеко не всегда. Одна из самых тяжелых, трагических травм для ребенка – отец, который не побудил к поиску и к развитию, не дал мужества, не научил пренебрегать комфортом ради новых открытий.

Иногда думают, что мужчина должен учить мальчика просто быть агрессивным. Это не так. Прimitивная агрессивность скорее носит патологический характер. В ней нет смысла, нет созидательного начала. Положительная человеческая агрессия (созидательная) выражается не в стремлении к уничтожению, а в желании творить.

Смысл, развитие, целеустремленность – вот христианское понимание мужества. Это для язычников мужественность немыслима без физической силы. Для них воплощение мужественности – это Геракл, этакая груда мышц, побеждающая и чудовищ, и людей, и богов. В современном мире на смену Гераклу пришли мачо, командос, десантники, Шварценеггеры-Сталлоне, которым все ни по чем. Кажется, вот они, настоящие мужчины наших дней. Но мало кто знает, чем кончают эти супергерои, в каком тяжелом состоянии попадают они к психологам после своих «подвигов» и как сложно бывает вернуть их к жизни.

Настоящее мужество – это стремление к истине. Это преподобный Сергей, который уходит в лес, не боясь ни духов, ни медведей, ни одиночества. Это Варлаам Хутынский, ученик преподобного Сергия, который один идет в тайгу и строит там келью. Это преподобный Серафим, живущий в глухом лесу, терпящий нападения бандитов и нечистых духов. Это те казаки, которые почти в одиночку или с малыми силами шли осваивать Сибирь и часто погибали. Собственно говоря, идея освоения северо-восточной Руси заключалась не в том, чтобы просто покорять местные народы, а в том, чтобы нести этим людям весть о Боге, пострадавшем на кресте и воскресившем всех. Вот идея мужественности, а вовсе не примитивное бандитское: «всех перережу».

Нам необходимо осознать подлинную русскую, православную мужественность. Не ту, которая кичится силой, ракетами, атомными бомбами, а умную мужественность, которая несет правду, развитие, которая берет на себя ответственность за других: за свою семью, за свой дом, улицу и, наконец, за свою страну. Но эта мужественность зиждется на уважении к отеческим гробам. И подлинный патриотизм, происходящий от слова «патрос» («отец»), начинается с того, что человек кланяется отцу, деду, прадеду, а не идет против них и стыдится их, кем бы они ни были.

Может ли отчим заменить отца?

Отец – это тот, за кем стоят его отец, его дед, его прадед, то есть вся система рода. Если у

человека есть родной отец, значит, у него есть целый семейный клан, для которого он прямой потомок, преемник какого-то важного наследства – духовного, социального, а иногда и фактического. Поэтому заменить родного отца не может никто. Тем не менее, отчим, то есть муж матери, нередко предпринимает попытку заменить отца. Зачем ему это нужно?

Первая причина: у мужчины есть сильное желание стать отцом, но нет своих детей. Если у отчима в этой ситуации все-таки появляются родные дети, к приемным он охладевает, начинает унижать, отдалять от себя. Такое поведение носит природный, почти физиологический характер. Хорошо, если человек это замечает в себе и пытается как-то с этими работать. В противном случае дети могут подвергаться и жестокому обращению, и манипуляциям со стороны отчима.

Вторая и наиболее распространенная причина: ревность к предшественнику. Мужчина хочет заставить свою жену забыть первого мужа, а ее детей от первого брака убедить в том, что он лучше, чем их настоящий отец. Он борется против личности их отца, стремится стереть память о нем, затмить его образ. Стремление это отнюдь не благое.

Отчим, воспитатель, приемный отец – роль ничуть не проще, чем роль родного отца, но она принципиально иная. Приемный отец может заниматься воспитанием, развитием ребенка, но не может претендовать на родство с ним. И то, что к своим родным детям он относится иначе, как раз показывает абсурдность этой претензии. Он может быть прекрасным воспитателем, дети часто бывают по-настоящему благодарны своим отчимам. Но это вовсе не означает, что личность родного отца для них больше не значима.

О чем важно помнить отчиму, чтобы выстроить хорошие отношения с детьми? Во-первых, ему следует знать свое место и не претендовать на чужое. Отчим – это муж матери, но не отец.

Во-вторых, очень важно, как складываются отношения женщины и ее нового мужа. Детям необходимо видеть модель благополучного супружества. Если отчим любит их маму, для девочки это значит, что и она имеет право на любовь, на счастье, а для мальчика – что он имеет право любить свою женщину, независимо от того, есть у нее дети или нет.

В-третьих, отчим должен уважать отца своих приемных детей. Ни за что, просто по факту. Отчимы обычно не любят слово «приемный», но ведь эти дети действительно не родные, то есть приемные! Дети часто ревнуют мать к отчиму, вспоминают своего отца, обижаются за него. Чтобы эта ревность не выливалась в тяжелое болезненное состояние, и мать, и отчим должны демонстрировать уважение к отцу.

Вообще одной из самых страшных трагедий для ребенка является ситуация выбора между родителями. Дети не могут выбирать, их мир должен оставаться целостным всегда, на все времена. Это залог психического здоровья ребенка, даже взрослого ребенка. «Кто был для тебя настоящим отцом – родной, который тебя бросил, или отчим, который тебя воспитывает?» – такой вопрос не должен звучать никогда. Плохой папа и хороший отчим – это расщепление невыносимо для детского сознания. Что значит плохой или хороший мужчина? Как в этом разобраться? «Если я сын своего отца, значит, по роду своему я плохой мужчина? А все, что во мне от отчима, то есть моя культура, мое образование – это все хорошее? Какую часть себя принять, а какую отвергнуть?» Такое раздвоение – основа многочисленных неврозов, заниженной самооценки и т. д.

Уважение к родному отцу должно присутствовать в жизни ребенка несмотря ни на что. Если отчим способствует встречам детей с отцом, их совместному времяпровождению, памяти об отце, это очень хорошо. Со стороны отчима здесь не должно быть ревности или желания

доминировать. Отец и отчим – несравнимые, не конкурирующие понятия.

Это же касается и ситуации, когда усыновляют ребенка из детского дома. К сожалению, новые родители часто конкурируют с родными. Они могут не признавать это, тем не менее, подразумевается, что родные родители оказались плохими, недостойными, ведь они бросили свое дитя! Приемный ребенок почти всегда ощущает эту презумпцию виновности своих родных родителей. И для него это трагедия.

Вообще приемный ребенок всегда живет с раной в душе, потому что он оторван от своих родных, лишен их. Приемные родители для него всегда останутся приемными и родными никогда не станут. Это факт, который никто не в силах изменить. И это само по себе трагическое обстоятельство многократно усугубляется, если родители начинают самоутверждаться, доказывать всему миру, что они-то и есть настоящие родители, не то что родные.

Лучшее, что можно сделать для приемного ребенка – безусловно уважать его родных родителей. Не важно, кто они были, – алкоголики, преступники и т. д. Пусть о них ничего не известно, но они есть. Уважение к родителям детей – это уважение к их роду, к их происхождению, к их родословной, к их семейно-родовому дереву.

III. Любовь к женщине, любовь к детям

Власть и обладание

Если мужчина любит женщину, в норме он хочет взять ее в жены. Именно «взять». Желание «брать» – это желание любви, соединенное с ответственностью и властью, отсюда, кстати, и происходит слово «брак». В наше время эта библейская норма выглядит, как глубокая архаика. И все же современный мужчина испытывает именно такие чувства. Иногда из них вырастает насилие. Я имею в виду не только изнасилование. Манипулирование, подкуп, принуждение, шантаж – все это по сути своей то же самое насилие, основанное на искаженном представлении о власти. Поэтому власть и опорочена как качество.

В действительности власть и обладание совсем не одно и то же. Обладание – это слияние, путь к зависимости. Власть – это путь ответственности и жертвенности. Христос говорит: *Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком. Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их. (Ин 10:10-12).* Вор – это тот, кто хочет только пользоваться, а пастырь, как отец, отвечает за тех, кто ему верен. Пастырь «душу свою полагает», жертвует собой, чтобы овцы были целы и мирно паслись. Пастырь – властвует, вор – обладает. Стремление обладать ведет к краже, использованию, расхищению, распаду. А власть ведет к «жизни с избытком», к такой жизни, в которой дети занимают свое, именно для них предназначенное место.

Если в основе семейных отношений лежит жажда обладания, в мужчине вряд ли проснутся отцовские чувства. Скорее всего, он будет и на ребенке утверждать свое искаженное представление о власти как праве подчинять и применять силу. Доверие к отцу не может возникнуть, если он видит, что мать подавлена, напугана, напряжена. Если же мать в присутствии отца становится счастливее, радостнее, ребенок и сам начинает относиться к нему как к источнику любви, счастья, тепла, пользы.

Нерожденные дети

Мне как священнику приходится сталкиваться с ситуациями, когда мужчина и женщина не желают беременности. Часто это происходит потому, что сама сексуальная связь была не то чтобы вынужденной и не то чтобы случайной, а, так сказать, антидуховной. То есть совесть говорит мужчине и женщине: «Это не твой партнер», – но, тем не менее, что-то толкает их друг к другу: «А давай попробуем!» Когда же связь распадается, женщина говорит: «Я не хочу ребенка от этого мужчины». И мужчина испытывает такие же чувства – известие о зачатии не вызывает у него радости, а лишь разочарование и нежелание брать на себя ответственность.

И вот в этом, мне кажется, – один из секретов целомудрия. Это очень трудно, но это возможно. Когда у мужчины зарождается мысль: «Я хочу эту женщину», стоит задать себе вопрос: «А хочу ли я от нее ребенка, который станет воплощением ее рода и моего рода, ее личности и моей личности, ее тела и моего тела?» Если ответ «не хочу», то дай Бог силы мужчине остановиться и сказать себе: «Погоди. Не торопись».

Молодая женщина пришла на исповедь с искренним покаянием. Она зачала от мужчины, с которым имела связь всего один раз. Каясь, она признавалась: «Он мне противен. Не знаю, что на меня нашло в тот единственный раз. Я не хочу от него ребенка, потому что и ребенок от него мне противен». И она убила ребенка от ненавистного ей мужчины. Она не желала быть матерью этому ребенку и не желала позволить этому мужчине быть отцом своему ребенку. Противоречие и расщепление секса и зачатия расщепило и мотивацию любви и материнства.

Тот же феномен наблюдается и у мужчин. Неприятие женщины может вызвать у них и неприятие ребенка. Один человек, пришедший ко мне на консультацию, признавал зачатие двумя женщинами детей от него, при этом отцом себя не признавал. Он считал, что свободен сам решать, быть ему отцом или нет, а ответственность за зачатие он полностью возлагал на женщин.

Аборт – это катастрофа. Конечно, женщины переживают ее острее, но и для мужчин последствия этого преступления тоже очень тяжелы. Я видел, как плачут мужчины об этом на исповеди. Побороть эту страшную, разъедающую боль без исповеди практически невозможно. Но есть и другая сторона, которая исповедью не лечится. Чтобы пройти через эту трагедию и найти в себе силы жить дальше, мужчине и женщине необходимо проделать очень важную работу. Независимо от того, в браке они или нет, им, во-первых, надо попросить прощения друг у друга за то, что они совершили. Без взаимных обвинений: «Это ты меня заставил!» – «Ты мне не сказала!» – «А ты мне угрожал!» и т. д. Не так. Обоим партнерам необходимо признать равную взаимную ответственность за прерванную жизнь их общего ребенка. Признать, что это их общее дело, их общая боль, общее покаяние. Во-вторых, оба партнера должны оплакать самого ребенка, совершить, образно говоря, свой эмоциональный ритуал погребения, проститься с ним, попросить у него прощения.

Наконец, оплавав, можно совершить и ритуал реальный: поставить свечку, помолиться вдвоем. Никаких канонических образцов такой молитвы нет, но своими словами родители всегда могут молиться о своем нерожденном младенце, прося Бога не только о прощении, но и о призрении этой несчастной души.

Все эти действия желательно совершить вдвоем. Это не всегда возможно. Я говорю, как это должно быть в лучшем варианте. Если не вместе, значит, порознь. Но, не совершив этого акта покаяния и оплакивания, человеку очень трудно жить дальше, трудно дышать, трудно позволить себе быть счастливым. Когда мужчина настаивает на аборте, он несет тяжесть в душе за этот грех точно так же, как и женщина. Конечно, у него есть масса способов подавить

свои чувства ответственности и родительства, спрятать их, очерствить сердце. Для этого не обязательно прибегать к каким-то экстремальным методам. Алкоголь и работа – вот два совершенно лояльных вида эмоциональной анестезии в нашем обществе. Они и создают иллюзию того, что с чувствами можно как-то покончить.

Непризнание своего ребенка, неприятие его является тяжким грехом. Это акт распада, расщепления и личностной деформации. И он имеет далеко идущие последствия, как в жизни самого мужчины, так и в жизни его семьи и рода. Это родовое преступление и грех.

О мужчине, отказавшемся от своего ребенка, обычно говорят: «У него нет отцовских чувств». Конечно, нет. Отцовские чувства просыпаются позже. Здесь же проявляется другое – отношение к женщине, к партнеру. Отношение, в котором нет любви, нет заботы, нет ответственности. И вопрос не в том, как мужчина относится к ребенку, а как мужчина относится к женщине. Кто она для него? Случайный партнер? Объект для удовлетворения своих потребностей? Или личность, женщина, которую он любит? А если он ее не любит, тогда почему он с ней живет, или почему он с ней встречается? То есть речь должна вестись не об отцовстве, а о супружестве. На мой взгляд, подлинное родительство вытекает из супружества и помимо него существовать не может.

Секс и ответственность

Ответственность мужчины за женщину, за возможное потомство наступает с того момента, когда он принимает для себя решение вступить в интимные отношения, то есть с того момента, когда зачатие становится вероятным. Я понимаю, что для многих людей сила любви такова, что говорить об ответственности, о каком-то взвешенном решении не приходится. Иногда это аффект, мгновенный порыв. Еще утром человек и не собирался покусаться на эти отношения, и вот они уже есть. Тем не менее, когда мужчина и женщина сближаются, они знают, к чему это сближение может привести. Вот с этого момента и начинается ответственность. И в норме она возникает не как испуг или как фактор, препятствующий развитию отношений, а как ощущение тяжести корзины, наполненной грибами или ягодами. Вот ты их собирал, трудился, вставал рано утром, продирался через лес, искал эти грибы. Каждый гриб для тебя радость. Ты кладешь его в корзину и с удовольствием ощущаешь, как корзина тяжелеет. Вот так и в отношениях с женщиной. Каждая встреча добавляет что-то новое. Постепенно приходит ощущение полноты соединения, полноты ощущения другого человека, полноты знакомства с личностью, взглядами, несовпадениями. Каждая встреча наполняет мужчину ответственностью, то есть ощущением веса. Даже когда он по телефону назначает время свидания, этот разговор уже воспринимается как имеющий вес, значимость, эмоциональную силу. Ответственность как значимость чувств, как вес счастья – я думаю, что такая ответственность воспринимается мужчиной с удовольствием, с чувством удовлетворения.

Готовность к рождению детей – это то напряжение и тот вес отношений, который возникает в жениховстве и потом в супружестве. Если отношения развиваются плавно, известие о зачатии все равно может восприниматься как шоковое, но с радостью. Если же мужчина не собирался эти отношения превращать в столь значимые, не очень их ценил, не стремился к большей близости, тогда к этому шокосому состоянию может прибавиться разочарование, раздражение, уныние и прочее. То есть готовность к отцовству определяется предшествующими отношениями.

Очень важно желание мужчины иметь ребенка от этой женщины, вот именно от этой. «Хочу, чтобы она была матерью моих детей. Хочу, чтобы она была моей женой», – при такой готовности известие о зачатии принесет радость.

В нашей жизни многое искажено. В личности тоже часто происходят искажения или, как говорят психологи, девиации. Сегодня секс часто воспринимается как отдельная часть взаимоотношений мужчин и женщин, не имеющая прямого отношения к любви, к семейно-родовым отношениям. На мой взгляд, это одна из девиаций современного человека. Секс стал самодостаточной ценностью, чем-то вроде денег. Он перестал быть интимным, перешел в область социальных отношений. Им можно обмениваться, даря друг другу приятные мгновения. В некоторых случаях он становится обязательной составляющей приятельских и деловых отношений. Так происходит деформация личности. Сексуальная жизнь оказывается безэмоциональной или слабо эмоциональной.

Если в таких отношениях вдруг происходит зачатие, то мужчине бывает очень трудно «перевести стрелки», отнестись к ребенку как к своему. Ведь дети – это интимная часть жизни, а секс – нет. И то, что эти две сферы вдруг должны соединиться, что женщина должна войти в интимную жизнь мужчины, воспринимается как агрессия: «Ты мне говоришь, что у нас общий ребенок, значит, ты вторгаешься в мою личную жизнь. Но тебя туда не звали! Секс сексом, а зачатие меня не касается. Это твоя проблема. Разбирайся с ней сама». Вот к чему приводит такая девиация.

Но человек все-таки изменчив. И даже мужчина с серьезным эмоциональным расколом может вдруг задуматься: «А ведь это мой ребенок. Да, я никогда не любил эту женщину, но теперь она мать моего ребенка». Такие мысли рано или поздно приводят к осознанию родства. Может быть, не сразу, может быть, через десятки лет.

Одна женщина, никогда в жизни не видевшая своего отца, после длительной психотерапии, наконец, решилась ему позвонить. И услышала в трубке: «Как хорошо, что ты позвонила! Я 20 лет этого ждал». О чем говорит такая реакция отца? О том, что, какие бы ни были отношения между родителями, у мужчины может родиться отцовское чувство и долго, десятилетиями, в нем жить, зреть, готовиться к своей встрече.

Я думаю, что отцовская любовь возникает всегда, но многие мужчины гонят ее от себя. По разным причинам. Прежде всего, потому, что у них не было любви к женщине. А может быть, женщина чем-то унизила, обидела своего партнера (отца), и именно этого мужчина не может простить. Конечно, ребенок ни в чем не виноват, но мужчина часто переносит на него свое отношение к женщине. Так что для многих непризнание своего отцовства – это просто месть женщине за какую-то причиненную боль.

Откуда берутся родительские чувства?

Часто приходится слышать такую точку зрения: «Материнская любовь – это инстинкт, она любит своего ребенка просто потому, что это ее ребенок. А у отца такого инстинкта нет. Поэтому отцы меньше любят своих детей, их любовь поверхностная, наносная и вообще ненастоящая». Это глубокое заблуждение. Никаких инстинктов у человека нет. Ни одного. Никакого. И отцовского или материнского инстинкта тоже не существует. Это метафора обыденного сознания. Фигура речи, не более того.

Родительство – приобретаемое явление, а не врожденное. Формируется оно на базе двух главных институтов: семья и социокультурные отношения. К социокультурным отношениям относятся и религиозные, определяющие ценностные установки человека, его правила и нормы поведения.

Родительство – это фундаментальная личностная структура, формирующаяся в течение всего детства, отрочества, юности. У ребенка от рождения нет никакого родительского инстинкта.

Это хорошо видно на примере детей, которые выросли в интернатах, в детских домах и в прочих учреждениях подобного типа: у них никакой родительской модели поведения нет. Она может потом возникнуть, ее можно сформировать, ее можно воспитать, но она не заложена изначально. Это относится как к материнству, так и к отцовству. Отцовство – это продолжение сыновства. Тот, кто осознает себя сыном, внуком, имеет ресурс стать отцом. Сыновство – вот главный источник отцовской любви.

Мужское родительство начинается позже, чем женское. И это понятно. Непосредственного, физиологического ощущения своего ребенка у мужчины поначалу просто нет, ведь он не вынашивал, не рожал. В первые месяцы жизни младенца отец может быть помощником матери, но он не самостоятельная фигура. По большей части он ребенку напрямую и не нужен. Но ребенку нужна счастливая мать, нужно ощущение безопасности. И его должен обеспечить отец. Ранний период отцовства – это время, когда мужчина заботится не столько о ребенке, сколько о жене. Он создает для нее среду защищенности и любви, а жена передает эти чувства ребенку. Это не метафора. Мы знаем, что состояние счастья имеет определенную гормональную формулу, и эти гормоны передаются младенцу с молоком матери. Но главное – родившийся ребенок чувствует мать тактильно, на слух, через запах, через интонации. Ребенок эмоционально воспринимает мать, отлично распознавая все ее состояния. Если женщина – в счастье, в радости, в усердии, несмотря на все физические трудности, недосып, усталость и прочее, тогда и ребенок хорошо растет и развивается. Счастье матери – это деятельность и ответственность мужчины. Поэтому, как это ни парадоксально, раннее отцовство – это супружество. Именно супружеская любовь и есть форма заботы отца о младенце.

Новорожденный ребенок отцу непонятен, потому что он еще не имеет своего образа. Но по мере того, как проходит послеродовая краснота и отчетливее проступают черты лица, мужчина все более пристально вглядывается в свое чадо. Для отцов внешность новорожденного очень часто имеет значение, в первую очередь, с точки зрения семейно-родовых ожиданий: на кого похож? Мужчина всматривается в детское личико, пытается увидеть в нем себя, свою жену, своего отца или деда... И в этот момент в его душе зарождается, начинает искать свое место семейно-родовая привязанность. Для возникновения отцовского чувства очень важно ощущение себя как продолжателя рода: мой дед родил отца, мой отец родил меня, и вот я родил своего ребенка, и он (мой ребенок) будет дальше продолжать наш род. Это, конечно, не чувства, а мысли, но они дают возможность мужчине почувствовать себя созидателем, активным проводником семейно-родовой силы.

Для многих мужчин именно родовое чувство становится тем самым каналом, через который формируется отцовская любовь. Для многих, но не для всех. Некоторым молодым отцам намного важнее принимать участие в повседневных заботах о младенце – пеленать, купать, гулять, а позже водить на прием к врачу, в детский сад, на занятия в кружки и секции, вместе заниматься чем-то интересным в выходные.

Третий путь пробуждения отцовской привязанности – через игру, поведение, общение. Ведь ребенок очень рано начинает откликаться на обращение взрослых, и уже через несколько месяцев отец может достаточно эмоционально с ним общаться.

И последнее. Мужчина не может почувствовать физиологически своего ребенка. Но он может почувствовать связь своего семени и своего ребенка. Это связь не очевидная, не прямая, она покрыта тайной. Мужчина отдает свое семя в лоно своей женщины, но дальше не контролирует, что с ним происходит. Никаких способов управлять зачатием ни у мужчины, ни у женщины нет. Но у них есть сила любви. Она таинственна, она духовна. Это не пробирка, в которую лаборант пипеткой переносит семя для того, чтобы произошло экстракорпоральное зачатие. Это естественный телесный процесс. Но для мужчины это очень важно – соединить

соитие и рождение ребенка. Юноша не умеет ценить свое семья. И когда мальчики или юноши слышат слова из Псалтири или Ветхого Завета, где говорится о семени, это воспринимается ими как абстрактность, как метафора. А вот в отцовстве для мужчины открывается возможность отнестись к этому уже не как к метафоре, а как к реальности, как к величайшему Божьему дару. Отсюда возникает и ответственное отношение к этому акту, ответственность по отношению к женщине, к себе.

Притча об отцовской любви

Самый трепетный текст об отцовской любви – притча «О блудном сыне» из Евангелия от Луки. *И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его* (Лк.15:20). Это известная притча, которой Христос открывает любовь Божью к грешникам, которым желает спасения, а в буквальном прочтении это вечный сюжет о детско-родительских отношениях, об отношениях сына с отцом. Обычно центральной фигурой в этой притче видят сына, который совершил тяжкие грехи и против нравственности, и против отца, растратив свою долю отцовского наследства. Поэтому притчу и называли «О блудном сыне». Но на самом деле она не столько о сыне, сколько об отце, о превосходящей всё любви отца к сыну.

Отец в притче совершает три акта любви. Первый – когда отдает долю наследства младшему сыну, собравшемуся в дальние страны. Возможно, отец предполагал, что сын растратит полученные деньги в разврате и блуде. Но он, не останавливая сына, со смирением отдает ему его долю. Отец доверяет сыну, доверяет его взрослению, его будущему опыту. Такая не охраняющая, не сберегающая, а наоборот, рискующая любовь отличает отца от матери. Любви отца дороже развитие и опыт, любви отца дороже будущее покаяние, которого может и не быть. Отец рискует падением сына, и все-таки свободы отнять не желает. Свобода любви – вот о чём в этой притче свидетельствует отец!

Второй акт отцовской любви – великая радость, которая охватывает отца, когда он видит сына. Томимый тоской, быть может, терзаемый сомнениями, правильно ли он поступил, отец выглядывает сына на склоне холма, где проходит дорога. Как долго он смотрел на эту дорогу? Неизвестно. Но он увидел сына издалека. Увидел и узнал! Любовь свидетельствует на расстоянии! Увидел и побежал навстречу! Побежал, чтобы обнять, а не пенять ему! Побежал, чтобы целовать, а не судить! Побежал не суд творить, но чтобы благословить и принять!

В этом акте любви нет никакой справедливости, никакой целесообразности, никакой строгости и педагогики, есть только любовь, которая *«все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»* (1Кор.13-7)!

И третий акт любви: отец награждает падшего сына! Награждает как своего наследника, как вождя! *А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги, и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться, ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться!* (Лк.15:22-24). Какая же это справедливость? Это же сверх всякой меры? Ну хорошо, отец простил блудного сына – это еще можно понять. Но за что же его награждать?! А секрет прост: отец возвеличивает своего сына, потому что сын должен жить как хозяин, а не как наемник. Любовь дарует величество сыну, величество наследства и родства. Так Бог дает человеку достоинство образа и подобия Своего!

Чем такая любовь отличается от материнской? Возможно ли, чтобы мать повела себя точно так же? Возможно. Но скорее всего, ее любовь проявится иначе. Давайте пофантазируем:

Мать встречает сына, возвращающегося из «страны далече» ни «с чем». Мать радуется, что

сын жив и здоров. Готовит ему умыться и поест, утешает его, успокаивает, укладывает, и... потом плачет. Плачет о грехах сына, о несбывшихся мечтах. Едва ли ей придет в голову награждать сына и возвращать его на место вождя.

Не таков отец! Ведь его задача не утешение, а наследие. Отцу важен вождь, которому он передаст власть и традицию.

Такова любовь отцовская в совершенстве, но не такова она бывает в начале. Любовь отцовская – подвиг и путь.

Неидеальный отец

Мой опыт священника и психолога, а также мой личный опыт показывает, что отцовские чувства не менее сильны, не менее нежны, чем чувства матери. Проблема в том, что согласно сложившемуся стереотипу, мужчина чувствовать не должен, иначе он «не мужик». Поэтому мужчины прячут свою любовь и нежность, боль и заботу. Прячут, но чрезвычайно страдают, если им не удастся реализовать свое отцовство.

Одна женщина рассказывала, что после развода она вместе с детьми в течение нескольких лет пряталась от мужа. Когда же страсти улеглись и она, наконец, смогла «выйти из подполья» и спокойно обсудить с бывшим мужем их совместное прошлое, он рассказал ей, что чуть не сошел с ума оттого, что не мог видиться с детьми, разговаривать с ними по телефону. Он страдал так, что в прямом смысле бился головой об стену, потому что эта боль разлуки с детьми, боль утраты, боль потери, боль вины, боль неразделенной любви была невыносимой. А поделиться ему было не с кем.

Чувство своей отцовской несостоятельности, своей нереализованной любви к детям порой настолько невыносимо, что мужчина запрещает себе его испытывать, не признается в нем никому, даже самому себе.

Что же делать «неидеальному» отцу, чтобы не впадать в отчаяние? Во-первых, отказаться от идеалов, которые недостижимы. Во-вторых, понять, что изменения возможны, и эти изменения чаще всего вполне достаточны для реализации той жизненной цели, которую человек в себе чувствует, может быть, только интуитивно. Ведь люди очень часто отказываются от сценария своей жизни, потому что им кажется, что они не смогут его реализовать, – у них не хватит сил, способностей, талантов. Это ошибка. *Большинство мужчин способны быть отцами.* Не идеальными, конечно. Идеальных отцов вообще не существует. Не «хорошими» и не «плохими», потому что эти определения слишком абстрактны. Большинство мужчин может осуществить свое отцовство, личностно вырасти в нем и передать своим детям желание родительства, продолжать род.

В-третьих, мужчине нужно понимать, что его время наступает не сразу. Ему нет надобности специально выстраивать какие-то особые отношения с младенцем, они выстроятся сами, но позже и на другой основе. Мать занимается маленькими детьми. До поры, до времени ребенок должен насытиться любовью, заботой, комфортом – всем тем, что может дать ему мама. Но чем старше становятся дети, тем интереснее им быть в области влияния отца, ведь общение с ним – это развитие, игры, дела, совместная деятельность. У отца и ребенка постепенно открывается все больше возможностей для общения. Их отношения могут становиться более богатыми, более интересными, более многофункциональными и, стало быть, более близкими.

В-четвертых, не стоит забывать, что мужчина созревает позже, чем женщина, поэтому и желание отцовства приходит к нему позже. Женщина уже в 16-17 лет мечтает стать женой,

матерью.

Мужчина в норме созревает годам к тридцати. Не случайно по Номоканону (византийскому сборнику церковных правил VI-VII вв.) именно с тридцати лет можно рукополагать в священники. В этом правиле очень точно зафиксирована реальная, природно-социальная картина созревания мужчины.

Если мужчина вступает в брак до 28-30 лет, то мужественность и отцовство будут «дорастать» в нем уже внутри брака, параллельно семейным отношениям. И первые дети могут настоящего отцовства недополучить. Это не трагично, потому что по мере взросления отец будет меняться. И, может быть, дети проникнутся еще большей любовью к отцу, если увидят, что он меняется не в сторону деспотизма, а в сторону осмысленности своей власти.

На формирование отцовства влияет и модель отношений в родительской семье. Ничего не поделаешь, опыт собственного детства доминирует в личности. Мужчине трудно стать ответственным супругом и отцом, если в его жизни такого отца не было. Что же делать? Прежде всего, со смирением признать этот факт. Любой взрослый мужчина, недополучивший отцовского воспитания, может восполнить его в себе. Да, это непросто. Но ведь у нас есть возможность черпать отцовство не только из рук отца, деда, но и из рук учителя (если довелось встретить хорошего учителя), духовного отца. Кому-то мужественность открывается через тренера, врача, начальника на работе. У мужчины много источников «доотцовствования» себе самому. Плюс, конечно, собственное личностное развитие, культура, религия, традиции – все это тоже помогает восполнить недостаток отцовства.

Это «доотцовствование» нельзя назвать полной, глобальной перестройкой своей личности. Такого не бывает. Человек способен изменить себя на 5-7%, не больше. Конечно, личность невозможно измерить в процентах, и цифры эти весьма условны. Они просто показывают ограниченность наших возможностей. Тем не менее, и эти пять процентов могут преобразить человека, его жизнь, его отношения с другими до неузнаваемости.

Каким образом человек может изменить сам себя? Я убежден, что начинать надо с *выстраивания отношений со своим родным отцом*. Это очень трудно, особенно для тех, кто своего отца совсем не знал. Таких мужчин, к сожалению, много. И задача, которую мы сейчас определили как главную, может наткнуться для них на чисто физическое препятствие – отсутствие ощущений от отца. Препятствие серьезное, но преодолимое.

О выстраивании отношений с отцом говорится в пятой заповеди: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле*. (Быт.20:12). Что такое «почитание»? Это признание, принятие, уважение и благодарность. Следовательно, прежде всего человеку необходимо *признать* своего отца: «NN, такого-то года рождения, который живет там-то (или жил там-то, похоронен там-то). Я знаю – это мой отец». Мужчины, которые отказываются от своего отца, не только согрешают против Бога, но и поразительным образом теряют свою мужественность и свое отцовство. Таким образом, мы видим, что связь с отцом – это доминирующая черта мужчины, очень важная и крайне необходимая для гармоничного развития его личности.

Признав отца, необходимо его *принять*: «Я плоть от его плоти. Во мне его генетика. Во мне его семья. Я принимаю его как часть, как половину себя».

Далее – взрастить в себе *уважение* к отцу. Часто приходится слышать: «А за что мне его уважать?» Дело не в каких-то человеческих достоинствах. Отца уважают не потому, что он хороший человек, а просто по факту: «Он меня родил, он мой отец по своему сущностному,

онтологическому статусу». Все. Больше тут никаких отступлений быть не может. Даже если он не воспитывал, даже если он отказался жить с матерью и навсегда ушел из семьи, это ничего не меняет.

И, наконец, *благодарность* – за то, что родил, за то, что дал свое имя, дал свою родословную.

Вот эти четыре составляющие почитания достаточны для того, чтобы мужчина дальше «дородительствовал» себе самому, «доотцовствовал», то есть стал себе самому отцом и воспитателем. Это начальный этап, это фундамент, на котором можно строить и воспитывать свою личность.

IV. Мужское воспитание

Все лучшее – детям?

Современную семью часто называют детоцентристской, то есть ставящей детей в центр своих интересов. Это семья, где взрослые придают слишком большое значение детям, где дети главная ценность, сверхценность. Иерархия ценностей в такой семье начинается и заканчивается детьми, их интересами, их желаниями. «Все лучшее детям» – такой лозунг не вызывает удивления.

Как правило, детство оказывается на вершине ценностной пирамиды, когда обществу грозит вымирание, демографическая катастрофа. Тогда рождение и воспитание детей, здоровых и активных, становится доблестью и всячески поощряется. Однако в России лозунг «Все лучшее детям» не соответствовал эпохе демографической «ямы».

Детоцентристские семьи не бывают многодетными. Для них на первом месте стоит качество жизни и развития ребенка. Взрослые усиленно занимаются его образованием, развитием, здоровьем. Интересы ребенка могут пониматься по-разному, но они в любом случае – главная ценность. Интересы других членов семьи в расчет, как правило, не принимаются.

Кто же в семье ближе всех к ребенку? Конечно, мать. А потому мать оказывается в центре всей семейной структуры как главный хранитель семейных ценностей. Мать оказывается союзником и партнером ребенка, складывается своеобразный альянс мать-дитя. Мать находится рядом, когда ребенок ест, делает уроки, засыпает... Детоцентристская семья на поверку оказывается семьей женоцентристской. Это функциональный сдвиг, а по сути – дисфункция семьи, вызванная искажением иерархии ценностей.

Детоцентризм – это миф, иллюзия. Разве можно назвать детоцентристской семью, где отказываются иметь больше детей ради «качества жизни» единственного чада?

Да и истинные ценности детоцентристских семей иногда имеют мало общего с ценностями самого ребенка, его здоровья, его развития. Вместо этого семья часто обслуживает семейные мифы, сложившиеся в эпоху тяжелых испытаний. Например, детство – сверхценность для поколений, переживших войну, голод, гонения, переселения, когда могли погибнуть дети. В этих условиях естественно возникает страх за беззащитных детей, и семья принимает на себя негласное обязательство делать всё, чтобы этого ужаса впредь не повторилось. Бывает и так, что семья, пережив в одном или двух поколениях бедность и унижения, ставит своей целью компенсировать это благодеянием и удовлетворением всех возможных желаний молодого поколения. Так могут возникать мифологии детоцентризма, за которыми стоят страх и непережитые травмы, а не подлинная любовь к детям и не подлинная забота о них.

Подлинные интересы детства реализуются только в семье, где центральным ценностным звеном являются родители, которые работают, чтобы кормить и обеспечивать детей, и счастьем своим учат детей быть счастливыми в своей жизни. В центре ценностей нормативной семьи стоят супруги, а в центре супружества – Бог. Так выглядит Малая Церковь (ср. Кол.4:15). Какова роль отца (супруга) в такой семье? Это роль лидера, ведущего, патриарха. Роль, по сути, не от мира сего. Как ни парадоксально это звучит, но это так. Роль матери – природа, роль отца – сверх природы. Функция матери – родить дитя в мир, функция отца – привести дитя в мир и научить в нем жить.

Чего не может дать мать

Итак, отец – это тот, через кого ребенок вошел раз и навсегда в мужскую линию рода. Это мужчина, который родил ребенка^[5]. Разумеется, в норме функция отца этим не ограничивается. Но в наше время значительная часть семей – неполные, а там, где дети воспитываются и отцом, и матерью, отношения с отцом часто складываются вроде бы нормально, но без особенного чувства супружеского единства, солидарности. Тем не менее само по себе физическое присутствие отца в жизни ребенка – это фундамент, на котором вырастает его собственное родительство, его отцовство. Важно, чтобы у ребенка был этот опыт. Базис опыта закладывается в психофизиологическом родстве, когда мальчик растет рядом с отцом и в ощущении присутствия, со-бытия с отцом. Не просто с мужчиной, а с отцом. При этом отец может даже ничего особенного не делать. Так называемая «отцовская педагогика», разумеется, очень важна, особенно для мальчика. Но даже если отец не очень одарен педагогически, дети на него смотрят и учатся просто на его примере. Педагог Франко Нембрини^[6] вспоминает о таком эпизоде. Он сидел, проверял школьные тетради, проставлял отметки и вдруг заметил, что младший сын стоит и пристально за ним наблюдает. По глазам мальчика было видно, какое значение он придает тому, чем занимается отец. В них читалось: если отец так долго проверяет тетради, значит, это нужно, значит, это имеет смысл.

Жизнь отца – целенаправленная, честная, ценностная, нравственная – сама по себе для детей уже имеет огромное значение. Отец – это носитель смысла. Поэтому я хочу сказать молодым мужчинам: даже если вы просто будете присутствовать в семье как отцы, просто будете жить перед детьми целостно, открыто, осмысленно, это уже много.

Можно сказать, что самый минимальный уровень отцовства – это присутствие, со-бытие. Минимальный и нормативный. Норма – это когда отец открыт ребенку и ребенок может перенимать качества, которые находятся в зоне ответственности отца. Нормативный уровень предполагает возможность отцу и ребенку быть вместе, даже если никакого «воспитания» нет. Чтобы ребенок мог находиться в поле влияния отца, отец у него должен быть. Просто быть. Он должен быть живым, открытым и, желательно, счастливым. А счастливым он может быть рядом с любимой женщиной.

Только отец может научить сына быть мужчиной. Мать этого не может не потому, что ей не хватает умения, хитрости и знания психологии, а просто потому, что она не мужчина. Мать не может быть мужчиной, как бы ей этого не хотелось. Она не может узнать, перечувствовать, пережить, перестрадать тех процессов и состояний, через которые проходит мальчик, вырастая в мужчину.

Для взрослеющего сына очень важен опыт освоения правил и норм, которые действуют в мужской среде. Женщина их не знает, а следовательно, и научить им мальчика не может. Например, мать не знает, как здороваются мужчины, как спорят, как рассказывают о своих чувствах, и рассказывают ли вообще. Мать не может научить сына, как держать в руках нож или лопату по-мужски, а не по-женски. И ещё великое множество деталей чисто мужского

поведения мать не знает и знать не может.

Мать учит ребенка чувствовать себя, знать себя, заботиться о себе. Мать помогает мальчику построить отношения с отцом, с братьями и сестрами, с учителем. Но развитие отношений с другими людьми строятся не на заботе о себе, а на правилах и нормах. Их открывает ребенку отец. Мать учит быть эгоцентристом, отец – социоцентристом. Усвоив оба эти навыка, человек может подняться на уровень альтруизма.

Если ребенок не научится заботиться о себе, он может оказаться в зоне риска, в зоне угрозы жизни и здоровья (алкоголизм, наркомания, экстремальный образ жизни, бессмысленный риск, пренебрежение здоровьем). Забота о себе – необходимый, но не последний этап развития личности. Мать ведет ребенка на этом отрезке жизни, одновременно показывая, что, кроме его интересов, есть ещё интересы её самой. Ребенок видит, что маме нужно поесть, выспаться, отдохнуть. Так он открывает мир потребностей других людей.

Для дальнейшего развития человеку необходимо, с одной стороны, обладать смелостью, уметь пренебрегать личным комфортом и, с другой стороны, освоить правила и нормы поведения. Для мальчика личный комфорт (тепло, сытно, уютно, сухо) связан с материнской заботой. Но вот развитие вступает в зоны некомфортные: дикая природа, мастерская отца или гараж деда, уличная компания или командные соревнования. Эти зоны регулируются не заботой о себе, а заботой об отношениях и о других, о команде, порой в ущерб себе. Это зона риска, опасности. Ребенок испытывает тревогу и страх, ему требуется поддержка. Эту функцию выполняет отец. Он защищает, подстраховывает, когда ребенок должен сделать смелый шаг, рывок в неизвестное. Мать в этой ситуации скорее просто не даст сыну рисковать.

Впрочем, некоторые матери могут и здесь заменить отцов. Став «мужчинами», они с немужской смелостью и твердостью крепкой рукой ведут сыновей по трудной тропе открытий и испытаний. Но вот испытания окончены, сын возвращается домой. Но дома его не ждет теплая, эмоциональная встреча, не ждут пироги и теплая постель, сухая одежда и уют дома. Мать возвращается вместе с сыном, столь же уставшая и нуждающаяся в заботе. Человек не может быть сразу в двух ролях. Если женщина – «отец», то материнские функции выполняются ею не полно, или просто не выполняются. Да и отцовские выполняются плохо. Иными словами, если мать пытается воспитать в детях и мужские, и женские качества, она, как правило, не дает ни того, ни другого.

Куда подевались ответственные мужчины?

Ответственность отца – это выбор и подвиг, это активное отношение к жизни, а не результат социального или физиологического изменения. Это продолжение любви к своему отцу. Когда молодой мужчина становится отцом, его душа приносит дар благодарности тому, кто родил его. Так исполняется закон рода^[7]. Но как часто он НЕ исполняется!

Об ответственности приходится говорить достаточно часто, скорее даже о проблеме ее отсутствия в сознании современного мужчины. Вроде бы он часто стремится к тому, чтобы быть ответственным, но зачастую такие попытки выходят какими-то искусственными. Утвердиться в своем мужском начале часто не получается. Почему?

Господь дал нам очень много силы, которую мы можем назвать властью. Но формирование этого навыка власти и ответственности по отношению к миру и прежде всего к своим близким – это задача развития личности. Я думаю, что все основные события, которые влияют на формирование этого качества, лежат в семейных отношениях.

Власть мужчины натывается на препятствия, прежде всего, со стороны жены. Многие процессы, происходящие с младенцем, по своей природе лежат в материнской сфере. Вынашивание, рождение, вскармливание, уход в первые годы жизни – все это связано с женщиной. И для женщины вполне естественно (но не духовно) рассматривать свою ответственность за жизнь и здоровье ребенка как свое право. Для женщины естественно (но не духовно) ощущать ребенка как часть своего тела, как часть своего организма, как продолжение тех процессов, которые происходят в ее теле, и, конечно же, как продолжение тех психологических ощущений, которые женщина переживает и до родов, и после родов, и в годы раннего развития ребенка. Поэтому для женщины вполне естественно рассматривать ребенка как объект, который ей принадлежит.

Матери очень трудно нарушить физиологическое ощущение этой близости, телесности ребенка и относиться к нему с уважением как к свободной и независимой от нее личности. Это требует духовного движения, это духовный шаг. Но если мать в этом смысле духовно не развивается, она начинает претендовать на единоличную ответственность за развитие ребенка, начинает ограждать дитя от того влияния, которое может принести в его жизнь отец. Когда мать видит, как отец берет младенца на руки, у нее замирает сердце. В движениях мужчины есть смелость, уверенность, он подбрасывает малыша в воздух, кувырывается с ним... Женщине страшно на это смотреть, ей кажется, что отец слишком неосторожен, что он может навредить. И естественный ее порыв – не допустить, встать между отцом и ребенком.

Без духовного смысла отношения в триумвирате «мужчина, женщина, ребенок» нарушаются. Получается, что ответственность отца за ребенка ограничена естественным правом женщины. Не духовным правом, а природным, почти физиологическим. Но поскольку женщина не догадывается о том, что это право у нее чисто природное, что в нем нет ничего духовного, она продолжает на нем настаивать. К тому же главенство в отношениях с ребенком приносит матери чувство удовлетворения – она ощущает себя состоявшейся, обретает свое место в жизни. А потребность в самооценности и сопричастности – одна из ведущих для человека. И вот женщина начинает наступать на права отца, ограничивать их, не догадываясь о том, что таким образом она разрушает семейные связи – между собой и супругом, между отцом и ребенком.

В этих условиях у мужчины есть выбор – либо стать агрессивным и попытаться отвоевать у женщины занятые ею позиции и захватить главенство в отношениях с ребенком, либо попытаться выстроить свои отношения с ребенком напрямую, вопреки воле жены и матери, либо самоустраниться. Многие выбирают последний, третий вариант – прежде всего потому, что не хотят портить супружеские отношения.

Если же отец все-таки начинает агрессивно отвоевывать свои права у матери, он сталкивается с огромным сопротивлением расширенной семьи: за женщину вступаются ее родители, тетушки, бабушки, старшие дети, братья и сестры. Заступается и феминизированное, детоцентристское современное общество^[8]. Противостоять всему этому непросто. И для тех мужчин, которые сами выросли с подавляющей, контролирующей, отвергающей своего мужа матерью, выбор самоустранения оказывается самым естественным и самым сохранным. Они отступают и отказываются от своей ответственности за ребенка.

В других социальных условиях все происходит иначе. В Азии, на Кавказе, в Африке, в Латинской Америке, то есть в странах традиционного общества, права матери и отца четко зафиксированы. Там отец не участвует в воспитании младенца, его права на этом этапе ограничиваются наречением имени, выбором религии, традиции воспитания и т. д. Отцовское воспитание начинается, когда ребенок (прежде всего мальчик) становится старше.

В нашем обществе нет перехода ребенка под ответственность отца, нет инициации. Дети на

протяжении всего периода взросления часто остаются в зоне контроля матери. Право отцовской ответственности нарушается, так что говорить об отцовской власти не приходится.

Вспоминается песня Бориса Гребенщикова «Держаться корней». Там есть замечательные слова: «Все помнят отцов, но зовут матерей». И это действительно так! Вообще культура создала огромное количество произведений, памятников, кинофильмов, которые отражают именно эту ситуацию в обществе.

Процесс феминизации, процесс развития женского естественного права как бы положил преграду развитию отцовства. И это не просто внутрисемейная, но и социальная драма.

Мне кажется, что любую мать страшит тот момент, когда дети переходят под влияние отца. Ей тяжело сознавать, что ее родное чадо, ею выношенное, рожденное, вскормленное, сберегаемое, теперь переходит в зону риска и опасности. Самый яркий пример, который мне встречался в классической литературе – эпизод из «Тараса Бульбы». Тарас собирается утром увести сыновей в Сечь. Мать в ужасе. Она всю ночь льет слезы над Андреем, сидит рядом, пока он спит, ловя каждую минуту, оставшуюся ей, чтобы насладиться материнством. Это типичный конфликт материнской и отцовской зон влияния. Но мать в повести Гоголя не может перечить Тарасу. В те времена власть отца была непоколебима, и, если отец решил, что хватит детям нежиться рядом с матерью, пора заняться мужскими делами, значит, так тому и быть.

Выход из-под материнской опеки – вечная тема. Самый высокий пример такого «выхода» показал нам Христос, покинувший Божию Матерь и последовавший на страдания тем путем, который указал Ему Отец (Богоотец). Материнский подвиг Богородицы в том, что она отпускает Сына, не перечит Ему. Это очень трагический момент, в нем перед нами предстает образ подлинной матери – той, которая дает Сыну свободу.

В современных семьях часто бывает иначе. Область воспитания в нашем обществе давно перешла в руки женщины, поставив отца вне семьи. Чем больше отец начинает входить в жизнь ребенка, проявляя свою власть, ответственность, заботу, любовь, тем сильнее он противоречит супруге. Опасаясь за свое чадо, мать пытается оторвать его от отца. Делать это женщина может двумя способами: либо подавлять авторитет отца, либо удерживать ребенка в инфантильном состоянии «у своей юбки». Есть, правда, и третий, особенно патологический способ – инвалидизировать ребенка, убедить его и всех вокруг, что он болен, затаскать по врачам, и проч. Примеров тому в психологической практике достаточно.

Отец выводит дитя в мир. Но он же и охраняет мир и охраняет порядок в мире, чтобы его детям в этом мире можно было развиваться. Отец – гарант безопасности мира вокруг семьи и детей. Микрокосмос окружающий семью – это зона ответственности отца. Это дом и двор, подъезд и лестница, улица и школа. Всюду в этом микромире присутствие отца, в той или иной степени, гарантирует ребенку относительную безопасность для его развития. Если на улице, где гуляют дети, им что-либо угрожает – машины, взрослые, сквернословие, грязь, преступность – отец вмешивается, чтобы навести порядок.

Это идеальная картинка. Часто ли вы такую встречали? Увы! И одна из причин того, что ответственные отцы стали редкостью – разрушение роли отца. Насколько утрирована в семье роль матери, настолько же разрушена и роль отца. Это звенья одной цепи.

Власть отца

В норме власть отца – это спасительный полог жизни. Это сильная и надежная защита, под которой ребенок смело осваивает окружающий мир, рискует его исследовать, учится брать на

себя ответственность за успехи и неудачи, развивает целеустремленность и любознательность. Власть отца необходима для утверждения духовного и нравственного начала, как авторитет и система ценностей. Власть отца – это любовь, облеченная в ответственность и силу. Это власть добра над злом. Добра в том смысле, в каком его понимает сам отец исходя из своих ценностей, своей веры, своего духовного пути и мужества. Мужество и вера без власти невозможны, а потому если отцовская власть натывается на сопротивление жены и семьи, то дети вырастают в страхе и бессилии. Они не уверены в себе, в своих ценностях, своих правах и ответственности. Если мужчина обращается к психологу с проблемой неуверенности в себе и с комплексом «неполноценности», в подавляющем большинстве случаев это значит, что его отец не имел в семье власти и ответственности, отношения мальчика с отцом были слабыми, или отсутствовали.

Использование власти во благо возможно только в любви. Когда любовь подменяется властью, возникает подчинение и управление. Это дрессировка, а не воспитание. Когда любящий отец применяет власть, он одновременно учит власти ребенка. Отец заинтересован научить своего ребенка власти. Наряду с верой, этикой, жизненными принципами, власть – это одна из ценностей, которые он стремится передать детям. Это власть и самовластие.

Часто возникает ощущение, что, применяя власть, отец вторгается во внутренние процессы ребенка, не воспитывает в нем свободу, а, наоборот, подавляет. Где же та грань, за которой ответственность превращается в насилие? Как понять, когда власть отца дает ребенку возможность развиваться, а когда превращается в травмирующее ограничение развития? Насилие – иная сторона отцовства. И потому вопрос пределов отцовской власти очень важен.

Тиран не учит своих подопечных власти. Он отнимает ее. Тирану, деспоту, диктатору нужно, чтобы власть была только у него, поэтому он показывает только одну сторону власти – силу. И тогда сила становится насилием. Для этого тиран и диктатор отбирает у властных отношений смысл. Он говорит: «Ты должен только подчиняться. И не спрашивай, зачем и почему. Я носитель смысла, а ты бессмысленно подчиняешься мне». Это и есть насилие.

Любящий отец, подчиняя детей своей власти, показывает им, в чем ее смысл, объясняет им свои требования. Всегда. Когда детям объясняют смысл происходящего, они могут, конечно, сопротивляться и капризничать, но при этом они понимают, почему важно и необходимо подчиниться словам взрослого. Когда же говорят: «Ты просто должен слушаться и ни о чем не спрашивать», – действие власти становится враждебным ребенку, потому что наносит ущерб его личности. Во-первых, в таком требовании нет свободы, во-вторых – нет смысла.

Действие власти всегда должно быть оговорено. Оно должно иметь область применения и время применения – от и до. Например, отец говорит сыну: «Я буду требовать, чтобы ты выполнил уроки, но какие отметки ты за это получишь, это уже не так важно. Отметки – это дело школы, а я буду требовать от дисциплины». Или: «Для меня важно, чтобы ты не опоздал в школу, но за счет чего – это уже не так важно». Подростку отец ставит границу: «Я не позволю тебе грубить мне и матери, но свое мнение ты всегда можешь нам высказать».

Когда отец сидит с хронометром в руке и засекает время, за которое его дочь уберется в комнате, это издевательство, деспотия. И ничего, кроме ненависти, это не вызовет. Когда отец не просто проверяет уроки, а настойчиво требует от ребенка объяснений, почему тот получил «тройку», а не «четверку», почему у него не решилась задача: «Нет, ты мне объясни, как тебя угораздило?» – это деспотия, а не власть.

Власть дает ребенку ощущение границ допустимого, границ возможного и невозможного. Как ни странно, именно благодаря власти ребенок обретает свободу действовать, пробовать,

исследовать, общаться. Он знает, что ему не грозит наказание, если он останется внутри границ, поставленных отцом. И, наоборот, выходя за рамки этих границ, он испытывает тревогу, потому что не знает, каковы могут быть последствия. Кроме того, ребенок видит, что власть отца не всемогуща, не безгранична. А тоталитарная власть безгранична и потому бессмысленна.

Принимая власть отца (при поддержке матери), дети учатся подчиняться. Не следует путать подчинение и послушание, до которого ребенку нужно ещё духовно дорасти. Ведь послушание, добровольная передача собственной свободы выбора своему руководителю – это добродетель для взрослых, дети этого уметь не могут. А потому неуместно говорить о детском послушании родителям.

Принимая власть отца, дети получают более нормированные, т. е. обозначенные рамками и правилами, отношения с родителями. Это очень важно. Предсказуемые и понятные правила в отношениях помогают снизить тревожность и следующую за ней депрессивность у детей и подростков. Напряжение снижается, высвобождаются силы для развития.

Принимая власть отца, дети принимают власть родителей, при этом рассчитывая, что мать будет скорее поддержкой и утешением. Власть матери вызывает больше протестов у детей, потому что от неё ожидают противоположного – заступничества.

Но горе матери, которая отрицает власть отца и настраивает детей не принимать эту власть: когда дети вырастут, её самой будет некому защитить. Никто не скажет детям: «Я не позволю вам оскорблять или не уважать мать!» Если бы матери и жены понимали это...

Иногда родители говорят: «Кто ты такой, чтобы иметь собственное мнение?» Это насилие. Ребенок не просто должен иметь свое мнение – он должен развивать свое мнение в диалоге с родителем. Родитель заинтересован в том, чтобы у ребенка было собственное мнение.

Учась подчиняться отцу, ребенок учится властвовать сам. Это происходит не раньше, чем у него возникает мотивация самовласти. Принимая на себя ответственность за то или иное свое действие, навык или привычку, ребенок учится управлять собой, отдавая себе отчет в успехах и неудачах. Так власть над самим собой становится важнейшим структурным компонентом личности, наряду с ответственностью и свободой выбора.

Принимая власть отца, ребенок овладевает властью, которую, в свою очередь, сможет позже применять в собственной семье.

Основное различие между насилием и властью заключается в их смысле, границах и формах проявления. Если отец самоутверждается на детях, отношения искажаются. Власть дана отцу не для самоутверждения, а для облегчения вхождения ребенка в мир, для защиты, покровительства и поддержки.

Отцы и дочери

Считается, что пример отца помогает девочке сформировать идеальный образ мужчины, который она затем обретет в своем избраннике. Это ошибка. Конечно, отец дает дочери и образ мужчины, и образ будущего мужа. Но главное – девочке точно так же, как и мальчику, нужны «мужские» качества: упорядоченность, дисциплина, аккуратность, устремление к успеху. Когда женщина проявляет целеустремленность в учебе и в работе, нередко это свидетельствует именно о том, что с ней занимался отец. Само присутствие отца в жизни ребенка вносит в ее жизнь некоторую осмысленность и упорядоченность. Там, где живет

мужчина, возникает рациональность – в вещах, в распорядке дня, в принятии решений.

Мать говорит: «Пойдем прогуляемся». Мужчина так никогда не скажет. Он всегда обоснует, куда, зачем, поставит цель, определит порядок действий. И дети видят, что у всякого поступка есть причина и цель. Ребенку нелегко понять, что имеет значение в первую очередь, что – во вторую. И как одно влияет на другое. Умение ставить перед собой четкие цели, выстраивать иерархию смыслов, действовать осмысленно – это как раз те качества, которых недостает очень многим людям. Они в равной степени нужны и мальчикам, и девочкам. И чаще всего они исходят от отца.

Исследования показали^[9], что девочки склонны адекватно принимать отцовскую критику, тогда как материнские замечания звучат для них как отвержение и рождают тревожность. Отец для девочки – источник смысла и рациональности, как мать – источник красоты и чувств. Отец – контролирующая и властная, но справедливая и любящая личность.

Если же отец применяет насилие, девочка скорее всего будет потом воевать со своим мужем, выберет себе подкаблучника или того, кто будет ее бить. Насилие ведет к искажению личности ребенка, а затем к искажениям в выборе партнера.

Что касается замужества дочери, то здесь отец играет особую роль. Это хорошо видно в тот период, когда дочь начинает встречаться с женихом. В России отцы не сопровождают своих дочерей на свидания, как это бывает в Средней Азии, на Кавказе, на Ближнем Востоке. Но если девушка находится под покровительством отца, даже его незримое присутствие влияет на стиль ее отношений с молодыми людьми. Мужчина даже не начнет ухаживать за такой девушкой, если не имеет серьезных намерений.

Мужское и женское

В каждом человеке есть и мужское, и женское. Все дело в пропорциях. Деформация личности возникает, когда женственность начинает преобладать в мужчине. Если же в нем доминируют мужские черты, тогда никакой проблемы нет.

Женственность обогащает мужчину. Любовь, нежность, забота, понимание – можно ли считать это проявлениями женственности? Отцу эти чувства необходимы, без них он не сможет ощутить меру своей власти. Ведь ребенок должен получать от отца не только власть и силу, но и поддержку одновременно.

Отцовство – это такое отношение к ребенку, в котором сочетается сила и нежность, любовь и требовательность. В этом искусство отца. Когда он будит сына по утрам в школу, от него требуется одновременно и твердость, и чуткость. Да, в школу надо приходить вовремя. Для отца это может быть важнее, чем, скажем, завтрак, и в этом он проявляет свою власть и принципиальность. А любовь может подсказать ему, что ребенок медлит, потому что заболел или просто не в состоянии сразу вскочить с кровати. Одни дети просыпаются быстро, другие – очень медленно. Это природные качества, их невозможно переделать. И именно любовь подсказывает отцу, когда надо проявлять твердость, а когда эта твердость превращается в жестокость.

Каждая семья проходит через испытания. Болезни близких, несчастные случаи – любой стресс в семье лишает ее членов покоя и здравого смысла. И в эти моменты отец призван стать островком эмоциональной устойчивости. Он лучше владеет собой, чем мать, способен к напряженной концентрации и подавлению эмоций. Мать может принимать неверные решения, преувеличивать или, наоборот, преуменьшать опасность. Присутствие отца позволяет

стабилизировать эмоциональную ситуацию, снять с матери и с других членов семьи часть напряжения, увидеть перспективные решения. Иногда в таких ситуациях женщина обвиняет мужчину, мужа и отца, что он нечувствителен, что он не переживает, не сочувствует ей, что он отстранен, холоден. Но это не так. Именно его меньшая эмоциональная реактивность помогает семье в целом держать ситуацию под контролем. Роль отца можно сравнить с ролью капитана судна во время шторма. Он может ошибаться, но он способен принимать адекватные решения.

Мальчику важно проживать с отцом все события, происходящие в жизни семьи – и трудности, и радости. Когда он вырастет и, возможно, станет отцом, он сможет использовать этот опыт. Есть две стратегии использования детского опыта во взрослой жизни. Первая – так называемый «сценарий», то есть воспроизведение модели родительских отношений. Вторая – «антисценарий», когда человек стремится делать все наоборот, не так, как делали его родители. Предсказать выбор стратегии невозможно, да и не нужно. Личность свободна в своем выборе, в том числе и в выборе своей семейной стратегии. Однако, для того чтобы сделать этот выбор, ребенку необходим опыт жизни с отцом, даже если этот опыт трагичный или травматичный.

Введение в большой мир

В жизни ребенка есть два мира: семья и то, что находится за дверью дома. Мир внешний непонятен, он пугает своей силой, стихией, враждебностью. И в то же время ребенку хочется в этот мир заглянуть, а со временем – даже отправиться в далекие путешествия. В пору отрочества эти два чувства – опасение и любознательность – приходят в равновесие, затем желание узнавать мир и погружаться в него становится сильнее. Так происходит в норме. Совершается сепарация – психическое отделение от родителей, нарастает социализация, т. е. освоение социальных ролей, приобретение навыков общения, познание мира и опыт себя в этом мире.

Два мира в ощущении ребенка в норме соединены мостом – надежным, крепким, безопасным. Этим мостом является отец. Самому ребенку слишком сложно рискнуть шагнуть во внешний мир, слишком страшно! Но при поддержке отца, ощущая его сильную и любящую руку, дети решаются на смелые шаги. Отец не только открывает мир, он вводит в него, знакомит, объясняет правила жизни и взаимодействия с людьми и, что не менее важно, представляет своего ребенка миру.

В дворянской культуре России был такой момент в жизни девушки, как первый бал. Что-то вроде женской инициации. Введение в клуб светской жизни, в клуб невест, в клуб взрослого мира. На этот первый бал по традиции девушка приходила в сопровождении отца. В деревенской культуре отец выдавал дочь замуж, т. е. был «мостом» и «гарантом» между семьей и новым родовым миром для дочерей.

Юношу отец вводит в мир через знакомство со своими соратниками, коллегами, сослуживцами, а также соперниками и врагами. Мальчику и юноше самому трудно понять этот мир, а открыть всё его многообразие без отца просто невозможно. Идея пробиться самому, без отцовской поддержки – идея болезненная, сиротская!

Самостоятельно, без отцовского участия юноша открывает мир неадекватно, искаженно. Отец не только проводник по незнакомой местности мира, он лидер, пастырь (власть имеющий), предводитель, покровитель. Самый успешный и самый прочный опыт, который потом мужчина использует в своей жизни, – тот, который он приобрел под покровительством отца.

Отец открывает не один мир ребенку, он открывает миры: природу и её многообразие – через

путешествия и походы, общество – через знакомства и публичные события, мир техники и профессий – через включение ребенка в свой труд.

Как-то раз, проезжая по сельскому району, я увидел подростка, ведущего по полю трактор. Рядом сидел отец и поправлял неопытную руку пахаря. Так было всегда: отец вводит подростка в мир труда, где позже юноша будет сам осваивать свои профессии. Но у него к этому времени уже будет опыт поддержки, опыт смелого и рискованного поступка под надежной сенью отцовской силы и власти.

Открытия мира могут быть различны. Опыт ребенка зависит от того, какое из пространств открыл ему отец. Один приобщается к походам, другой хорошо разбирается в устройстве автомобиля. Мир, куда вводит отец, будет для повзрослевшего ребенка привычным и безопасным. Там же, где отца не было, человеку будет неуютно. Это не значит, что в незнакомом мире он не добьется успеха. Но этот успех будет стоить ему большего напряжения. Напротив, в мире, где с отцом были сделаны первые шаги, человек осваивается легче и успешнее.

По судьбе человека можно судить о том, есть у него опыт сыновнего обучения или нет. «Безотцовщина» чаще выглядит мнительной, напряженной, воинственной. Робкие, неуверенные и нерешительные мужчины, как правило, тоже не имеют позитивного опыта отношений с отцом. Женщины, не имевшие такого опыта, с трудом доверяют мужчинам и выбирают таких партнеров, которых могут контролировать, то есть несамостоятельных и неуверенных.

Вы, наверное, уже заметили, что мы совсем не говорим о роли матери в познании мира. Но ведь мать тоже «учит». В чем же разница?

Мать учит, во-первых, выживанию; во-вторых, заботе о себе; в-третьих, эмоциональным отношениям («она тебе нравится?», «с ним надо быть поучтивее»), красоте и радости.

Отец учит правилам, взаимодействию, развитию, функциональности и успешности (иногда – конкурентности). Мать учит любить и устраивать жизнь.

В российской действительности есть событие, которое проявляет всю гамму различий отцовского и материнского – служба сына в армии. Будь на то материнская воля, сын бы вообще в армию не пошел. Но уж если идет, то мать учит его горло беречь, носки теплые носить и проч. Но главное – чтобы писал ей почаще (надо же как-то контролировать ситуацию).

Отца больше заботят отношения с сослуживцами. Отец наставляет сына, какими правилами руководствоваться в отношениях с начальством, а какими – в отношениях с равными себе. Выстраивает для сына нравственные порядки и нормы. Для отца страшнее всего, если сын не справится со службой, для матери – если заболит. Для отца важнее научить сына служить, для матери – жить.

Для личности каждого человека дефицит отцовства означает неумение налаживать отношения на работе, неумение работать над ошибками, властвовать (в том числе над собой) и подчиняться власти. Вечные бунтари – это безотцовщина или инфантильные личности.

Патриарх рода

Предельное предназначение отца – удержание целостности рода, семьи, причем всей, так сказать, расширенной семьи. Однако целостность рода важна не сама по себе. Патриарх рода передает и контролирует духовные ценности и жизненно важные смыслы. В этом проявляется его

духовное лидерство и главенство. Это предназначение реализуется патриархом не с опорой на естественную старческую мудрость и почтение к возрасту, а особыми духовными трудами. Первая задача – сохранить и пронести через всю жизнь, через все испытания ценности, полученные от своего отца и своих предков. Выполнить ее бывает очень сложно. Как часто, чтобы сохранить ценности рода, иконы, книги, фотографии, вещи – люди жертвовали самым ценным, здоровьем и даже жизнью.

Одна прихожанка в 1930-е годы, боясь, что в ее отсутствие свекор избавится от иконы и Евангелия, которые ей оставила бабушка, носила на животе эти священные предметы, рискуя, что на проходной завода их отнимут или арестуют ее за «агитацию» по 58-й статье. Я видел это потертое и зачитанное, но намоленное Евангелие, и ощутил всю ценность этого семейного священного предания.

Другой пример рассказала наша студентка. Ее бабушка происходила из аристократического рода. Когда в 1920-е годы начались аресты и расстрелы, она поняла, что ей грозит опасность, а на руках у нее две дочери. Тогда женщина сожгла все книги и архивы, раздала иконы и ценные вещи, оставив только самое необходимое имущество, не больше чем у рядовых обывателей. Она не пощадила ничего и, быть может, поэтому сохранила семью и свою жизнь. Эта бабушка оставила только одно – память и традицию, которую передала дочерям и внукам.

Ещё один пример. Умирал в больнице один старичок. Не часто посещали его внуки. Однажды, когда младший из двух внуков с женой приехал его проведать, старичок снял с шеи образок, дешевый и потертый, и повесил внуку на шею. «Я его от матери получил, когда на фронт уходил; один раз при артобстреле на дне траншеи потерял, так чуть под расстрел не попал – пока не нашел, не вылез наружу, а командир в трусости обвинил. Ничего, обошлось». Мне довелось быть свидетелем этой священной сцены в больнице. Так хранятся и передаются семейные ценности.

Однако мало сохранить, нужно ещё и передать их потомкам, то есть детям, внукам, правнукам. Для этого важен авторитет и духовная сила. Патриарх рода – тот, кто имеет в семье несомненный духовный вес. Духовная атмосфера семьи складывается по-разному, но если старший ее член сам ведет духовную жизнь, если для него эти ценности имеют высшее значение, тогда его будут слушать и примут от него то, что он хочет передать. Таким образом, родовое патриаршество – это духовный путь, духовный подвиг. Здесь нет формального статуса, возрастного положения, а есть только духовная правда.

Передача ценностей, духовных, религиозных, нравственных, не всегда выглядит так, как в Библии, но библейские примеры архитипичны, они учительны для нас, назидательны. Вот, например, история Иакова (Израиля): *И призвал Иаков сыновей своих и сказал: соберитесь, и я возведу вам, что будет с вами в грядущие дни; сойдитесь и послушайте, сыны Иакова, послушайте Израиля, отца вашего. (1-2)... Вот все двенадцать колен Израилевых; и вот что сказал им отец их; и благословил их, и дал им благословение, каждому свое. (28) (Быт.49).*

В классической русской литературе, особенно XIX века, трудно найти даже намек на патриархальность. Скорее наоборот, легче обнаружить свидетельства «войны» отцов и детей. Тем не менее, чтобы хоть как-то проиллюстрировать тему патриаршего благословения, приведу пример из «Войны и мира» графа Льва Толстого. Перед Аустерлицким сражением князь Андрей Болконский получает отцовское благословение. Князь Николай прощается с уезжающим сыном:

Андрей молчал: ему и приятно и неприятно было, что отец понял его.

Старик встал и подал письмо сыну.

– Слушай, – сказал он, – о жене не заботься: что возможно сделать, то будет сделано. Теперь слушай: письмо Михайлу Иларионовичу отдай. Я пишу,

чтоб он тебя в хорошие места употреблял и долго адъютантом не держал: скверная должность! Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, как он тебя примет. Коли хорош будет, служи. Николая Андреича Болконского сын из милости служить ни у кого не будет. Ну, теперь поди сюда.

Он говорил такую скороговоркой, что не доканчивал половины слов, но сын привык понимать его. Он подвел сына к бюро, откинул крышку, выдвинул ящик и вынул исписанную его крупным, длинным и сжатым почерком тетрадь.

– Должно быть, мне прежде тебя умереть. Знай, тут мои записки, их государю передать после моей смерти. Теперь здесь – вот ломбардный билет и письмо: это премия тому, кто напишет историю суворовских войн. Переслать в академию. Здесь мои ремарки, после меня читай для себя, найдешь пользу.

Андрей не сказал отцу, что, верно, он проживет еще долго. Он понимал, что этого говорить не нужно.

– Все исполню, батюшка, – сказал он.

– Ну, теперь прощай! – Он дал поцеловать сыну свою руку и обнял его. – Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... – Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: – А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно! – взвизгнул он.

– Этого вы могли бы не говорить мне, батюшка, – улыбаясь, сказал сын.

Старик замолчал^[10]...

Это не традиционное, библейское благословение, но основные его элементы мы видим: ценности чести, достоинства, служения, верности, долга, мужественности, ответственности. Несмотря на критическое отношение к отцу князя Андрея, он с благодарностью, любовью и почтением принимает наставление и благословение отца.

Еще менее традиционным выглядит «благословение» отца Андрея Штольца из романа «Обломов» Ивана Гончарова. Андрей, уезжая из семьи в Петербург, получает наставления отца:

В день отъезда Иван Богданович дал сыну сто рублей ассигнациями.

– Ты поедешь верхом до губернского города, – сказал он. – Там получи от Калинникова триста пятьдесят рублей, а лошадь оставь у него. Если ж его нет, продай лошадь; там скоро ярмарка: дадут четыреста рублей и не на охотника. До Москвы доехать тебе станет рублей сорок, оттуда в Петербург – семьдесят пять; останется довольно. Потом – как хочешь. Ты делал со мной дела, стало быть, знаешь, что у меня есть некоторый капитал;

но ты прежде смерти моей на него не рассчитывай, а я, вероятно, еще проживу лет двадцать, разве только камень упадет на голову. Лампада горит ярко, и масла в ней много. Образован ты хорошо: перед тобой все карьеры открыты; можешь служить, торговать, хоть сочинять,

пожалуй, – не знаю, что ты избереешь, к чему чувствуешь больше охоты...

– Да я посмотрю, нельзя ли вдруг по всем, – сказал Андрей.

Отец захохотал изо всей мочи и начал трепать сына по плечу так, что и лошадь бы не выдержала. Андрей ничего.

– Ну, а если не станет уменья, не сумеешь сам отыскать вдруг свою дорогу, понадобится посоветоваться, спросить – зайди к Рейнгольду: он научит. О! – прибавил он, подняв пальцы вверх и трясая головой. Это... это (он хотел похвалить и не нашел слова)... Мы вместе из Саксонии пришли. У него четырехэтажный дом. Я тебе адрес скажу...

– Не надо, не говори, – возразил Андрей, – я пойду к нему, когда у меня будет четырехэтажный дом, а теперь обойдусь без него^[11]...

Отец передает сыну ценности своей немецкой семьи и народа: трудолюбие, амбиции, соперничество, мужество, скромность и бережливость, целеустремленность, терпеливость. Для России это непривычно, и автор романа посмеивается над немцем Штольцем, но отец и сын понимают и любят друг друга. В то же время, если отец не проявляет эмоций, то и сын сдерживает их. Так принято, так надо. Сын идет за отцом, и, как мы знаем, он выполнит свое обещание.

Увы, в отличие от средневековой, литература XIX века патриархальность почти не демонстрирует. Может быть, это обстоятельство и определило наступившее в XX веке уничтожение «отцов»: революцию, цареубийство, расстрелы, лагеря и тюрьмы. Все меньше и меньше становится в веке революционном патриаршества.

Совсем иное, внешне не патриархальное, диалогическое «благословение» дает сыну Иван Ильин. Это другой жанр, письменный, это благословение-размышление. И оно не имело бы той трагической и окрыляющей, духовно выверенной силы, если бы не впитало традицию отцов. Вот выдержки из него:

Итак, ты думаешь, что можно прожить без любви: сильною волею, благою целью, справедливостью и гневной борьбой с вредителями? Ты пишешь мне: «О любви лучше не говорить: ее нет в людях. К любви лучше и не призывать: кто пробудит ее в черствых сердцах?»...

Милый мой! Ты и прав, и не прав. Собери, пожалуйста, свое нетерпеливое терпение и вникни в мою мысль...

Нельзя человеку прожить без любви, потому что она сама в нем просыпается и им овладевает. Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть главная выбирающая сила в жизни. Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть главная творческая сила человека. Нельзя человеку прожить без любви потому, что самое главное и драгоценное в его жизни открывается именно сердцу. Нет, мой милый!

Нельзя нам без любви. Без нее мы обречены со всей нашей культурой. В ней наша надежда и наше спасение. И как нетерпеливо я буду ждать теперь твоего письма с подтверждением этого^[12].

Главный смысл благословения отца – духовные ценности: любовь, вера, праведность, смысл жизни, добродетели, нравственные ориентиры. Чтобы передать их потомкам, нужна опытность, ясность ума, твердость в вере, любовь к детям и внукам.

Именно любовь патриарха рода к своим потомкам есть та сила, которая открывает сердца детей, их жен, их мужей, всех родственников и близких. Иногда патриарх рода становится патриархом поколения, народа, а иногда его завет становится основой жизни страны и мира, как это было с Израилем.

Для русских людей таким заветом стали «Слово о законе и благодати», «Духовное завещание Владимира Мономаха», «Бородино» Лермонтова.

В каждой семье есть человек, который мог бы «завещать» особый смысл жизни потомкам. Патриарх рода – это особая духовная роль, определенная мужчине природой человека и Божьим призванием. Исполнить её может каждый, хотя это и не просто.

V. Вымирающий вид

Отцы и отечество

Библия рассказывает о том, какой трагедией оборачивается для человека и даже для всего его рода бунт против отца. И это не вымысел, это действительно так. Неслучайно противление отцу считалось одним из самых страшных преступлений, которое в Моисеевом законодательстве каралось вплоть до смерти. Давид горько оплакивал своего сына Авессалома, восставшего на него. Сын Иакова Рувим был проклят за это же преступление. И более поздняя история знает немало подобных примеров. По сути дела, то, что называется революцией, цареубийством, переворотом, есть ни что иное, как восстание против отца. Вспомним, ведь царь всегда воспринимался народом как отеческая фигура. В русской традиции отцом иногда становился и начальник, особенно офицер. Неслучайно в поэме «Бородино» М. Ю. Лермонтова полковник – «отец солдатам». Отец как покровитель, заботящийся о своих чадах, берущий на себя ответственность, вплоть до смертной жертвы, – эта метафорическая фигура в нашей словесности встречается очень часто.

Бунт, восстание против отца – это преступление, в основе которого лежит подростковый бунт, не завершившаяся подростковая сепарация. В такой ситуации отношение к отцу будет обесценивающим и отвергающим. Но отвержение отца – это отчасти отвержение себя самого. Если отцовство – часть моей собственной личности (мужчины и женщины), то, отвергая в себе отца, я отвергаю часть самого себя. Такое отвержение обрекает «бунтаря-подростка» на вечную «недомужественность». Че Гевара, Дубровский, Рэмбо – это все герои-подростки, так и не доросшие до отцовства, до мужества. История, однако, развивается таким образом, что вечных подростков становится все больше, а отцов все меньше.

В некотором смысле история народа – это история становления мужчины-отца. Зрелость мужчин – зрелость народа и нации. Чем больше мужество усваивается личностью, тем более зрелым оказывается народ. Отечество – это поколения зрелых отцов. Но не только! Отечество – это живая связь поколений. Отечество должно быть востребовано. Его должно принимать новое поколение отцов, молодых мужчин, переживших подростковый период и вступивших в период зрелости, период любви к отеческим гробам и благодарности к отцам. Без этого само отечество невозможно. Отечество – это не фигура речи, а важнейшая динамическая антропологическая и психологическая задача. Это передача традиций и ценностей.

Общение отца с сыном – вечная тема. Вспомните фрагмент росписи Сикстинской капеллы, где две руки в полусоприкосновении являют эту тему: отец дающий и сын принимающий. На наших глазах совершается дар от Отца и дар Отцу!

Парадоксы советской идеологии

В нашем обществе слово «власть» воспринимается скорее как нечто отрицательное. И это исторически объяснимо. После катастрофы 1917 года человек с развитым чувством власти, с выраженным мужеским отношением к миру оказался враждебен новому строю. Таких людей требовалось уничтожить. Этим и занимались органы государственного насилия, подавляя казачьи восстания, тотально истребляя бывших офицеров, духовенство, крестьянство, а затем вообще всех, кто выделялся способностью реализовать свою власть – развитую или потенциальную, власть ума, власть знания и т. д. Это была целенаправленная борьба с мужественностью как таковой. Поколение мужчин, выросших в конце 1920-х-1930-е годы, то есть в период малого и большого террора, было сломлено – духовно и психологически.

А потом началась война, которая потребовала огромного числа властных мужчин-командиров.

И оказалось, что их остро не хватает. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, люди, способные взять на себя ответственность, оказались востребованы, а, с другой стороны, их уничтожали. Да и вся дальнейшая история страны пронизана этим неразрешимым противоречием: с одной стороны, потребность в людях власти, с другой – страх перед ними, подавление их воли.

В последние десятилетия военные стали героями шуток, анекдотов, презрения. Карикатурная ситуация: те, кто должен показывать образец целенаправленной, продуманной и осмысленной власти, оказались совершенно разрушенными как личности и как офицеры. Это чудовищный пример распада личности мужчины, не умеющего пользоваться властью там, где она необходима – в службе, в служении.

Это же, правда в меньшей степени, касается и духовенства, которое по сути своей всегда было носителем власти. Современный священник свою власть проявляет в строго ограниченных рамках, то есть в своем приходе и больше нигде. В обществе место священника не определено, по сути, его просто нет. Да и в семье он очень часто не имеет авторитета. Ведь семья священника, как и любая другая, сегодня имеет феминистский и детоцентристский характер. Как в воинстве, так и в духовенстве общество приветствует прежде всего послушание, покорность, управляемость, то есть женственные черты. А мужчина по природе своей небезопасен, дерзок! Но эти свойства ему сегодня применить негде.

По большинству социально-психологических признаков мужчина становится как бы ненужной фигурой. Феминизированный подросток, послушный юноша – вот современный социальный заказ. «Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей, высокий идеал московских всех мужей». (А. С. Грибоедов. «Горе от ума».)

Правда, сейчас стали появляться статьи про ответственное отцовство. Но когда читаешь эти статьи, возникает ощущение, что ответственное отцовство нужно женщине в строго подконтрольных ей формах. Подчиняться она не готова. Современная женщина больше всего боится власти своего мужа. Она хочет, чтобы мужчина, с одной стороны, был ответственным и мужественным, а с другой стороны, послушным. Надо ли говорить о том, что это абсурдное требование? Власть и подчиненность несовместимы.

Мужчины нашего времени

Если мы проанализируем историю российской семьи в XX веке, то увидим, что в первой его половине в каждом поколении было несколько кровопролитных войн или волн репрессий. Количество погибших постоянно увеличивалось:

- Первая мировая война – 2,3 млн. человек;
- Гражданская война 1918–1921 гг. – в боях, от голода, болезней, белого и красного террора погибло до 8 млн. человек;
- политические репрессии 1920–1940-х гг. – до 20 млн. человек;
- Вторая мировая война (военные и гражданские потери) – до 29 млн. человек.

То есть в нашей стране непрерывно, на протяжении нескольких поколений подряд, происходило постоянное вымывание из популяции наиболее сильных представителей мужского рода. Гибель мужчин сопровождалась увеличением неполных семей, в которых вдовы выполняли и мужскую и женскую роль. Это значит, что многократно увеличивалось количество детей, которые так и не увидели в своей семье образца поло-ролевого поведения. К пятидесяти годам выросли и стали мужчинами мальчики, которые никогда не имели перед глазами образца ответственного отцовства; выросли и стали женщинами девочки, не представляющие, что такое нежность, им никто не смог убедительно показать, в чем смысл и преимущества женской слабости^[13].

В нашей культуре ощущается ущерб, сдвиг, деформация мужской линии всех поколений. Без преувеличения можно сказать, что практически каждая российская семья ощущает в одном или более поколениях дефицит мужского присутствия. И это не может не оказывать влияния на развитие мужской личности.

Я думаю, что подлинный образ мужественности русского человека был уничтожен. Невозможно говорить о том, что мы можем что-то воспринять от предыдущих поколений. Наши деды и прадеды либо были расстреляны, либо погибли на войне. Что мы можем от них взять? В лучшем случае, их героизм. Но их героизма не хватило на то, чтобы защитить правду, веру и Отечество. Кто из них был предателем, кто не был – другой разговор. Но даже самые мужественные из них не донесли до нас своего патриотизма просто потому, что погибли.

Следующее поколение более разнообразно. Это дети войны и послевоенного времени. У моего отца, например, было очень романтизированное представление о войне. Он искренне жалел, что по малолетству не был призван на фронт, и завидовал своим старшим товарищам, успевшим повоевать. С другой стороны, он видел мужчин, вернувшихся из лагерей, пропитанных уголовщиной и внутренне сломленных. Вот этот мужской слом часто отвращал сыновей от отцов.

Послевоенное поколение – романтики-«шестидесятники» – это геологи, первооткрыватели. Их мужественность вылилась в науку, в строительство новых городов, новых судов, в путешествия по миру. И об этом я тоже могу судить на примере моего отца. Он имел дерзновение всю семью перевезти на Чукотку, и с десяти лет я рос, как дитя тундры, среди охотников и рыболовов. Именно этот тип мужественности я воспринял от отца. Но того мужества, которое могло бы перейти ко мне от деда, мужества преданности Церкви, Отечеству и отцу, я получить не мог. Цепь разорвалась.

А у многих из моих современников отцы были стукачами, предателями, чекистами или наполненными страхом жертвами насилия. Откуда тогда взять мужественность? Если отец теряет мужество, он не может его передать детям, а дети не принимают отца, потому что не уважают его, и, в свою очередь, тоже остаются без образа мужества.

Нашему поколению традиция мужественности досталась очень усеченной. И, как компенсация, возник образ «мачо», «мужлана» еще и с уголовной романтикой в придачу. Это, конечно, искаженный образ мужественности, но именно он пока преобладает и в кино, и в литературе, и в идеологии, и в семейном предании. Удачливый вор-предприниматель,

карьерист, хладнокровный убийца или бандит – в действительности ни в одной из этих фигур нет подлинного духовного образа мужественности.

Очень часто мне как священнику задают вопрос: а на кого в двадцатом веке Церковь могла бы указать, как на пример истинной мужественности среди православных героев? По моему мнению, это Петр Аркадьевич Столыпин, бросивший вызов революционной оппозиции; адмирал Колчак, почти в одиночку командовавший армией; император Николай Второй, открыто и осознанно ставший жертвой революции.

В послереволюционной России это тысячи офицеров, священников, профессоров, крестьян, которые не уступили большевикам и были уничтожены. К сожалению, мы не знаем имен многих из них!

Это Александр Исаевич Солженицын, который не просто боролся за правду, но и пострадал, прошел лагеря, тюрьмы, изгнание из родной страны. Но главное – он не сломался, не предал себя, не предал свое дело и дошел до конца. Таких, к сожалению, крайне мало. Их всегда мало.

Православный образ подлинного мужества – это Силуан Афонский, другой образ – это владыка Антоний Сурожский, настоящий русский герой в эмиграции. Его главный духовный подвиг, с моей точки зрения, заключается в том, что он не соблазнился политической борьбой. Но оба эти церковных героя жили вдали от России.

К сожалению, сегодня в культуре и в массовом сознании побеждают образы антихристианские. Чудовищный герой фильма «Брат» – убийца с красивыми глазами, рассуждающий о правде и справедливости, произносящий сентенцию о том, что сила в правде. Этот образ очень точно отражает сегодняшние настроения. Уголовник, убийца очень близок и симпатичен современным мальчишкам, потому что он бесстрашен. Современный человек слишком многого боится: бандитов, которые могут убить; чиновников, которые отнимут квартиру, посадят за решетку; полицейского, символизирующего насилие над человеком. Кругом царит страх. Кто побеждает страх, тот и есть настоящий мужчина. Отсюда и преклонение перед героями фильмов «Брат», «Бригада». Вот современные образы мужественности.

Надо ли объяснять, что они далеки от христианства? Во-первых, они языческие по своей сути, потому что утверждают превосходство физической силы. Во-вторых, они лишены духовного начала, потому что духовное начало – это смысл, любовь, свобода. Ни в одном из этих образов нет ни правды, ни смысла, ни Божественной благодати.

А вот еще один современный герой – олигарх, преуспевающий бизнесмен. Чем он привлекает? Тем, что богат: у него есть загородный дом и квартира в Москве, дом в Лондоне, дом в Париже, он обладает властью и деньгами. Высокий уровень комфорта – вот что его отличает.

Мне приходит на память лишь один фильм с почти эпическим отцовским образом – «Отец солдата» Серго Закариадзе. Более нормативного и героического отца в кинематографе я не припомню.

Мужественность сегодня побеждена идеей успешности. Образование – для «ботаников», вера – для женщин. А для мужчины главное – успех, измеряемый в деньгах. Такая ценностная установка наносит очень тяжелый духовный удар по мужественности. Стремление к достатку, обогащению, комфорту, безопасности, удовольствиям – это уже совсем не мужская программа. Общество обеспеченных – общество матриархальное. Обеспеченный мужчина склонен к компромиссам, к сделке с совестью. А мужчина должен быть свободен для правды. Если мужчина отказывается от преодоления трудностей, его духовная сила разлагается. Если

мужчина отказывается от правды, если ради комфорта соглашается на компромисс со злом, он обрекает себя на распад, на регресс. В фильме Тарковского «Сталкер» один из героев, писатель, признается, что его мечта – тихо спиться на писательской даче. Вот это и есть цена отказа от мужественности.

Подлинное мужество соединяет в себе силу правды (а не силу мышц), личный подвиг (а не опору на силовые структуры), лидерство духа и, главное, представление о том, что следует делать, куда вести людей. Для современного мужчины это самое сложное – он не видит цели своей деятельности. До тех пор, пока надо просто зарабатывать деньги, все ясно. Но вот деньги заработаны, дом, яхта куплены. Что дальше? Мужественность – это всегда движение к смыслу. Без смысла, перспективы, цели мужчина жить не может.

Мне хочется верить, что рано или поздно у нас сформируется подлинный образ русского мужества, и это будет человек, идущий вперед и ведущий за собой людей, человек ответственный и отвергающий комфорт ради развития и смысла. И тогда мужественность олигарха будет оцениваться не по количеству яхт и вилл, а по тому, что он сделал вопреки комфорту. Человек, создавший на свои деньги университет, госпиталь, картинную галерею или музей – вот образ истинной мужественности. В наше время, к примеру, есть люди, которые внедряют новые типы хозяйствования на земле. Их пытаются раздавить, создают невыносимые условия, но они не сдаются и продолжают строить, потому что видят смысл в том, что они делают. Вот это мужество!

Какое отношение все это имеет к теме отцовства? Мужество – это сущность отцовства. И мужество, и отцовство основываются на ответственности за себя самого. Все трудности, которые могут встретиться мужчине на пути реализации себя как мужа и отца, он должен брать на себя. Чтобы стать отцом, необходимо мужество. Быть мужчиной значит проходить через множество трудностей. Отцовство – одна из таких трудностей на пути становления личности мужчины. Это испытание, дающее огромные возможности для духовного роста.

Заключение

С трепетом приближаюсь к итогу. Сумел ли сказать, что рвалось наружу? Удалось ли выразить, сформулировать? Да и каков может быть итог?

О том, насколько я сам справляюсь с ролью отца, судить не мне; мои дети и внуки, возможно, что-то скажут впоследствии, «по головке не погладят».

Своему отцу Вадиму, Царство ему Небесное, хочется сказать теплые и благодарные слова. Отец, ты научил меня быть собой, научил терпению, борьбе за жизнь, научил стоять за свои ценности, не поддаваться на подлость и низость! Кланяюсь тебе до земли.

О своих отцах, дедах и прадедах, сказать могу только с чужих рассказов – никого из них я не застал. Но они дали мне жизнь и благословили из своего далека. И за это я им благодарен.

Есть ещё и духовный отец, кто родил меня во Христе. Отче, с тобой моё сердце, моя любовь к Церкви, моя Литургия и моя молитва. Покойся с миром.

Теперь, назвав своих отцов, оказываюсь перед Отцом. Деваться некуда!

Когда праотец Давид почувствовал свою силу как царь, он преисполнился особой благодарности Богу Отцу и вознамерился построить храм. Вот так и каждый, осознающий свое сыновство, мечтает построить в своей душе «храм Отцу». Но... Достанет ли труда и искусства?

«Ты, сотворивший человека по образу Своему, не довольствовался этим, но стал ещё и Отцом ему. Чтобы не только авторство своё соблюсти, но и родство подчеркнуть. Чтобы не только подобие отличать, но и теплоту любви согреть в человеческом сердце. Нет, не только! Но чтобы и отцовству научить того, кому Сам Отцом быть захотел. Чтобы и он, человек, прославился как отец и как сын!».

Об авторе

Протоиерей Андрей Лоргус – клирик храма Святителя Николая на Трёх Горах, прежде служил в храме Илии Обыденного, в Высоко-Петровском монастыре, в психоневрологическом интернате.

Родился в 1956 году. Работал слесарем, бульдозеристом, старателем, грузчиком, лаборантом, дворником, сторожем, чтецом в храме.

В 1982 году окончил факультет психологии МГУ. В 1988 году рукоположен в дьяконы. В 1991 году окончил Московскую духовную семинарию. В священники рукоположен в 1993 году.

Был деканом факультета психологии Российского православного университета Иоанна Богослова.

С 1996 года преподаёт антропологию и христианскую психологию в МГУ, в Российском православном университете, в Институте христианской психологии.

В настоящее время является ректором Института христианской психологии. Читает авторские курсы: «Православная антропология», «Духовный путь личности», «Богословие языка и речи», «Психопатология религиозной жизни» и другие.

Занимается психологическим консультированием.

Главные направления научных интересов – психология личности и семейная психология.

Об издательстве "Никея"

Живи и верь

Для нас православное христианство – это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты, беготни и вечной погони за счастьем человек бредет в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо – это изменение человеческой души. От зла – к добру! От бессмысленности – к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

Примечания

- [1] «Слова, которые обозначают родство, такие как „отец“ и „мать“, – одни из самых стабильных и узнаваемых, несмотря на то, что языки понемногу видоизменялись с эпохами...». Зойя, Л. Отец: Исторический, психологический и культурный анализ / пер. с англ. Н. Ретеюм. – М.: Независимая фирма «Класс», 2014. – С. 72. – (Библиотека психологии и психотерапии).
- [2] Витакер, К., Бамберри, В. Танцы с семьей: Семейная терапия: символический подход, основанный на личностном опыте / пер. с англ. А. З. Шапиро. – М.: Независимая фирма «Класс». – С. 30. – (Библиотека психологии и психотерапии).
- [3] ЭКО и прочие биомедицинские технологии зачатия и рождения не отменяют материнства и отцовства, даже если оно остается анонимным. Клонирование тоже не преодолевает этого положения. Но что будет дальше – никто не знает.
- [4] Например, Кэролин Эльячефф в книге «Затаенная боль».
- [5] Всякий раз, говоря «мужчина родил», мы имеем в виду библейское понимание, например: «Исаак родил Иакова». Роль матери здесь нисколько не умаляется. Просто книга эта про отцов.
- [6] Франко Нембрини – современный итальянский педагог, преподаватель литературы и религии, директор созданной им школы «Ла Трачча» в городе Бергамо, отец четверых детей, автор книги «От отца к сыну: Беседы о рискованном деле воспитания».
- [7] С некоторых пор я стал практиковать один обряд, о котором слышал давно, но долго не решался его совершать. Как известно, после Крещения священник вносит мальчика в алтарь. Там священник поклоняется с мальчиком на руках Престолу Бога, читая молитву. После этого священник выносит мальчика на амвон и передает ребенка родной матери. Отцы в этом не участвуют. Теперь я приглашаю отца ребенка, его отца и деда (если они есть), и они становятся справа от Горнего места. После поклонения Престолу и молитвы, я передаю младенца отцу, а он своему отцу. После этого обряд совершается как обычно. В этом преемстве на руки своего ребенка и внука в святом месте исполняется физически и символически полнота и единство мужской ветви рода. Надеюсь, отцы и деды воспринимают это как священный акт передачи ответственности и родства, благословляемых Церковью.
- [8] Большое число социальных программ государства, Церкви и общества направлены на «защиту материнства». Не на защиту супружества и родительства, а именно материнства! Какова доля поддержки отцовства при этом?
- [9] Николаева Н. О., Пенкина М. Ю., Горбачевская Н. Л. Связь личностных особенностей и показателей ЭЭГ девушек 18–20 лет с их оценками стилей родительского воспитания // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5.
- [10] Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1, 1 часть, гл. XXVIII.
- [11] Гончаров И. А. Обломов. Часть II, гл. 1.
- [12] Ильин И.А. Из письма к сыну (Без любви) // Поющее сердце. Книга тихих созерцаний.
- [13] Борзов С. П., Романовская Г. В., Королёва Н. Г. Ответственное отцовство в России XXI века: проблемы и перспективы. – М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения. – 2012. – С. 2.